

военная

археология

Сборник материалов

*Проблемного совета «Военная археология»
при Государственном Историческом музее*

3

выпуск

*Государственный Исторический музей
Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник «Куликово поле»*

УДК 902/904
ББК 63.48(2):68
B63

Редакционная коллегия

O. В. Двуреченский (отв. редактор),
C. Ю. Каинов, Ю. А. Кулешов

ВОЕННАЯ АРХЕОЛОГИЯ. Сборник материалов Проблемного совета
B63 «Военная археология» при Государственном Историческом музее.
Выпуск 3. – М.: МедиаМир; Тула: Куликово поле, 2014. – 368 с., ил.,
цв. вклейка – 32 с.

ISBN 978-5-903587-27-8

Настоящий очередной военно-исторический сборник представил на своих страницах комплекс результатов научных исследований, связанных с историей военного дела Восточной Европы, Кавказа, Сибири в эпоху раннего и развитого Средневековья. В статьях рассматриваются как археологические находки, связанные с защитным и наступательным средневековым вооружением, так и вопросы военной истории боестолкновений, тактики, формирования боевых подразделений. Значительная часть материалов сборника посвящена вопросам вооружения и снаряжения воинов Руси и Золотой Орды эпохи Куликовской битвы.

ББК 63.48(2):68

ISBN 978-5-903587-27-8

© Авторы, указанные в содержании, 2014
© Куликово поле, 2014
© МедиаМир, 2014

ЗАЩИТА КОНЕЧНОСТЕЙ В КОМПЛЕКСЕ ВООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ВОИНА (по материалам Великого Новгорода)

В отечественной историографии вопрос о происхождении и использовании в древнерусском комплексе защитного вооружения элементов защиты конечностей остается до сих пор плохо изученным. Недостаток фактического материала является одной из основных причин, затрудняющих работу исследователей. Ситуация усугубляется почти полным отсутствием письменных и изобразительных источников, хотя бы косвенно указывающих на возможность существования в древнерусском комплексе вооружения некоторых типов приспособлений для защиты конечностей. Следовательно, основным источником по этой теме является археологический материал.

В ходе анализа коллекции вооружения из фондов хранения и изучения археологических коллекций Новгородского музея-заповедника нами обнаружены бесспорные свидетельства, указывающие если не на использование, то, по крайней мере, на знакомство жителей древнего Новгорода с такими элементами защиты конечностей, как латные перчатки и наручи. При написании данной работы мы привлекли ранее не изученные материалы и пересмотрели интерпретацию уже опубликованных находок. Большинство этих предметов уникально не только для новгородского региона, но и для всей территории Древней Руси. Для максимально достоверной атрибуции потребовалось привлечение широко круга аналогий из материалов как прилегающих к новгородской земле территорий, так и территориально удаленных.

Впервые в отечественной науке попытку изучения комплекса вооружения Великого Новгорода предпринял А. Ф. Медведев¹. Главной задачей работы была максимально полная публикация коллекции предметов вооружения, найденных в ходе археологических раскопок в 1947–1948 гг. и в 1951–1956 гг. При рассмотрении фрагментов пластинчатых доспехов впервые были отмечены детали защиты конечностей².

¹ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. – М., 1959. – Т. 2. – С. 121–191.

² Там же. – С. 178.

В том же году была напечатана работа вышеупомянутого автора, посвященная истории защитного снаряжения Руси³. В основу статьи легли археологические находки фрагментов пластинчатых доспехов из раскопок 1943–1957 гг. различных древнерусских городов, и прежде всего Новгорода. В этой работе, помимо уже опубликованных в статье «Оружие Новгорода Великого» элементов защиты конечностей, в научный оборот вводятся еще две важные находки, речь о которых пойдет ниже.

Обращаясь к опубликованным А. Ф. Медведевым материалам, А. Н. Кирпичников идентифицировал «часть металлической перчатки»⁴, пластинки которой А. Ф. Медведев отнес к деталям наручей середины XIV в.⁵

В 1985 г. вышла из печати совместная работа А. Н. Кирпичникова и А. Ф. Медведева, в которой вновь сообщается о существовании частей от наручей или перчаток, найденных в Новгороде в слоях 1200–1250 гг.⁶ Пластинки, на которые ссылаются авторы⁷, вероятно, не являются деталями защитного снаряжения для кисти. А. Ф. Медведев в статье «Оружие Новгорода Великого» определял эти пластинки как детали наручей или поножей⁸. Некоторые современные исследователи также склонны относить их к деталям/фрагментам поножей⁹. В данной работе мы предлагаем свою версию интерпретации этой находки.

Подводя итог краткому обзору литературы, отметим, что вопрос о происхождении и использовании в средневековом Новгороде элементов защиты конечностей остается на сегодняшний день практически неизученным. Следует отметить, что рассмотрение ряда оруживедческих вопросов позволяет осветить и другие аспекты жизни средневекового города, а именно: внешнюю торговлю, ремесленное производство и социальную дифференциацию населения.

Первая категория защиты конечностей, с которой мы начнем, – это защита кисти – латные перчатки. В отечественной историографии, за исключением беглых упоминаний в указанных работах А. Ф. Медведева и А. Н. Кирпичникова, а также публикации (без описания) детали пальца перчатки из Ольгинского раскопа во Пскове¹⁰, работ по этой теме нет.

Можно еще упомянуть небольшую заметку белорусского исследователя Ю. А. Заяца, в которой кратко рассмотрены находки деталей перчаток из ар-

³ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. – 1959. – № 2. – С. 119 –134.

⁴ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л., 1976. – С. 36.

⁵ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси ... – С. 130, рис. 4, 2.

⁶ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 317.

⁷ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси ... – С. 127, рис. 2, 9-10.

⁸ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. – С. 178.

⁹ Алексинский Д. П., Жуков К. А., Бутягин А. М., Коровкин Д. С. Всадники войны. Кавалерия Европы. – М.–СПб, 2005. – С. 257-258.

¹⁰ Салмина Е. В., Салмин С. А. Ольгинские I–III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В. В. Медведева. Материалы LIII заседания (10–13 апреля 2007 г.). – Псков, 2008. – С. 48, рис. 18, 14.

хеологического комплекса на р. Мене, замка в г. Дубровно и г. Орши (территория современной Белоруссии). К сожалению, незначительное количество находок этого типа снаряжения не позволило автору сделать какие-либо серьезные выводы¹¹.

Несколько лучше обстоит дело в зарубежной историографии. Первые публикации находок деталей перчаток, обнаруженных в замке Таннеберг (Германия), относятся к середине XIX в.¹² Массовые находки в первой половине XX в. происходят из Кугельсбурга (Германия), из замка Кюсснах (Швейцария), из Ёрум и Борингхольма (Дания), из собора Кентербери (Англия), из Альсё Хус, а также Лунда¹³ и братских могил под г. Висбю (Швеция)¹⁴. Из современных находок можно указать публикации фрагментов перчатки из замка Хюненберг (Швейцария)¹⁵, деталей перчаток из арсенала замка Хербеде (Германия)¹⁶, деталей перчаток из замка Чхув¹⁷ и находки перчатки с поля битвы при Грюнвальде¹⁸ (Польша).

Тем не менее немецкий исследователь М. Голль (*Matthias Goll*), который посвятил специальное исследование западноевропейским латным перчаткам, указывает, что в европейской науке история развития пластинчатых перчаток остается недостаточно изученной. Он также обратил внимание на то, что не существует всеобъемлющей работы, посвященной истории защиты кисти¹⁹.

При изучении фактического материала из фондов Новгородского музея-заповедника, накопленного за полвека, прошедшие после публикации работ А. Ф. Медведева, нами обнаружено несколько интересных пластинок, по-видимому, имеющих отношение к элементам защиты кистей рук.

Первые две находки – подтрапециевидные пластины из черного металла с усеченными углами и тремя заклепками с широкими шляпками. Найдены на Кировском (Славенском) раскопе в квадрате № 3 и соседнем квадрате № 12 в напластованиях, относящихся к шестому и седьмому строительным горизонтам, датированным первой половиной XIV в.²⁰

¹¹ Заяц Ю. А. Приспособления для защиты кисти руки в доспехе средневекового воина // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 22. – Мінск, 2006. – С. 232–234.

¹² Hefner-Alteneck von, J. H., Wolf, J. W. Die Burg Tannenberg und ihre Ausgrabungen. – Frankfurt, 1850. Taf. X, E-F.

¹³ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361. – Stockholm, 1939. Vol I: Text. P. 230–243.

¹⁴ Ibid. – P. 414–434.

¹⁵ Frey von, J. Der Neufund eines Panzerhandschuhs aus der Burgruine Hünenberg ZG: ein Beitrag zur typologischen Entwicklung der mittelalterlichen Schutzbewaffnung im 14. Jahrhundert // Mittelalter 14/3. – Basel, 2009. – P. 91–101.

¹⁶ Peine, H.-W. Ein Blick in die Waffenkammer des Hauses Herbede an der Ruhr // Das Brigantinen-Symposium auf Schloss Tirol. Heft 3. – Innsbruck, 2004. – P. 67. Abb. 15.

¹⁷ Szpunar, A., Glinianowicz, M. Uzbrojenie późnośredniowieczne z zamku w Czchowie w Małopolsce // Acta Militaria Mediaevalia. T. II. – Kraków – Sanok, 2006. – S. 149. Tabl. 6.

¹⁸ Mielczarek, M., Nadolski, A., Nowakowski, A., Odoj, R. Badania archeologiczne na Polach Grunwaldu w latach 1988–1990 // Studia Grunwaldzkie, T. 2. – Olsztyn, 1992. – S. 85. Rys. 5.

¹⁹ Goll, M. Mit Eiserner Faust. Der Freiburger “Faltenbunndelhandschuh”. Genese, Werkstatt und Technologie. – Norderstedt, 2009. – S.17.

²⁰ Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982. – С. 196–199.

Размеры первой пластины (НГОМЗ КП25060/А19-673, Н-1972, Кировский р-п, 21-3 № 538): высота – 1,95 см, ширина – 2,35 см, толщина – 0,05–0,1 см, высота заклепок – 0,2–0,25 см, зазор между шляпками заклепок и поверхностью пластины – около 0,1 см, диаметр шляпок – около 0,7 см (рис. 1, а; 5, а). Размеры второй пластины (НГОМЗ КП25060/А19-674, Н-1972, Кировский р-п, 22-12 № 539): высота – 2,03 см, ширина – 2,4 см, толщина – 0,05–0,1 см, высота заклепок – 0,2–0,27 см, зазор между шляпками заклепок и поверхностью пластины – около 0,1–0,19 см, диаметр шляпок – 0,55–0,65 см (рис. 1, б; 5, б).

Впервые данные пластинки упоминаются Б. А. Колчиным и Е. А. Рыбиной при описании предметов вооружения, найденных на Кировском (Славенском) раскопе в 1971–1974 гг. Тогда они были определены как «пластины от стально-го доспеха»²¹.

Сравнительно-типологический анализ находок позволил заключить, что ближайшей аналогией новгородским находкам являются пластины от защитной перчатки № 2, найденной в 1929 г. в братской могиле воинов, павших в битве при Висбю в 1361 г.²² (рис. 1, в, г, д, е, ж, з, и). Благодаря непотревоженности культурного слоя и хорошей сохранности находки из Висбю удалось установить достоверное положение большей части пластин в ее конструкции. Подтрапециевидные пластины, аналогичные новгородским, образовывали «пальцы» металлической перчатки и крепились при помощи заклепок на внутренней поверхности матерчатой или кожаной основы. Новгородские пластины не сохранили следов основы, но, судя по зазору между шляпками заклепок и поверхностью пластин, ее толщина была равна 0,1–0,2 см.

Шведский исследователь Б. Тордеман (*Bengt Thordeman*), который опубликовал материал из братских могил под Висбю, предполагал, что появление металлических перчаток с большим количеством маленьких пластин относится ко второй четверти XIV в.²³ (напомним, что пластинки с Кировского раскопа в Новгороде залегали в слоях, относящихся к периоду не позднее первой половины XIV в.). Можно предположить, что новгородские пластинки попали в культурный слой в промежуток между двумя пожарами 1311 г. и 1340 г.²⁴ Это в свою очередь дает нам некоторые основания предполагать более ранний генезис металлических перчаток с большим количеством маленьких пластин в Европе.

Вещевой комплекс Кировского (Славенского) раскопа изобилует западноевропейскими находками, что не раз было отмечено в научной литературе²⁵. В слоях XIV в. обнаружены предметы, относящиеся непосредственно к импорту, в том

²¹ Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова... – С. 224.

²² Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361... P. 422, Fig. 412, 1, 12, 32, 33, 40, 41, 51.

²³ Ibid. – P. 243.

²⁴ Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Указ. соч. – С. 196–197.

²⁵ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. – М., 1978. – С. 119–120; Она же. Западноевропейские находки XIII–XIV вв. из раскопок в Новгороде // Новгородские археологические чтения: Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского. Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г. – Новгород, 1994. – С. 87.

числе указывающие на западное направление новгородской торговли: цветные металлы, янтарь, самшит, хрустальные вставки перстней, западноевропейские ткани. Кроме импортных вещей, необходимых для ремесленного производства, следы которого отчетливо фиксируются на раскопе, встречены находки исключительно бытового характера. Среди них предметы, обнаруженные при раскопках торгового двора иностранных купцов (Готский раскоп): керамика рейнского типа, металлический кустодий с изображением всадника, деревянные подсвечники с геометрическими знаками. Все эти обстоятельства позволили исследователям предположить возможность временного проживания иностранных купцов на территории усадьбы²⁶. Среди предметов вооружения в одном строительном горизонте с пластинами обнаружены бронебойные наконечники арбалетных стрел (рис. 1, к, л) (НГОМЗ КП25060/А19-11, Н-1972, Кировский р-п, пл.22, кв.10 №540; НГОМЗ КП25060/А19-12, Н-1972, Кировский р-п, пл. 22, кв. 17 № 541). По типологии А. Ф. Медведева, они относятся к первой разновидности типа 8 втульчатых наконечников арбалетных стрел – лавролистные ромбического сечения²⁷, или к типу V, по А. Н. Кирпичникову²⁸. Аналогичный наконечник, датированный XIII-XIV вв., встречен среди материалов Готского раскопа²⁹. А. Ф. Медведев отмечал, что наконечники этого типа встречаются преимущественно к западу от Новгородской земли: в Смоленске, Изяславле, Пскове, Друцке, Гродно, Риге, где датируются XIII–XV вв.³⁰ При раскопках крепости Орешек около 48% арбалетных наконечников составляли наконечники этого типа, а в слоях 2 пол. XIV-XV вв. они являются доминирующими (более 50% от общего количества арбалетных наконечников стрел)³¹. Найденные при раскопках замка Отепя (Южная Эстония) аналогичные наконечники также датируются 2 пол. XIV – нач. XV в.³² Кроме того, найденные в Новгороде наконечники имеют полное сходство с некоторыми наконечниками из братской могилы в Висбю³³. Датировка западноевропейских наконечников имеет еще более широкие рамки. Б. Циммерман наконечники, аналогичные найденным в Новгороде, отнес к типу T2-5 и датировал кон. XII–XV в., отмечая, что, возможно, это самый долговечный тип наконечников арбалетных стрел, исчезнувший только с появлением огнестрельного оружия³⁴.

Таким образом, опираясь на вышесказанное, можно предполагать, что находка западноевропейского элемента защиты может быть связана с присутствием иностранных гостей на территории усадьбы. При этом надо учитывать

²⁶ Рыбина Е. А. Западноевропейские находки XIII-XIV вв. ... – С. 87-88.

²⁷ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. – М., 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников [Вып.] Е 1-36). – С. 94.

²⁸ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л., 1976. – С. 71.

²⁹ Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. – М., 1978. – С. 211.

³⁰ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. – С. 94.

³¹ Кильдюшевский В. И. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. – СПб, 1999. – С. 65-66.

³² Mäesalu, A. Weapons in Otepää castle in 1396 // Castella Maris Baltici V. – Rudkøbing, 2001. – P. 2.

³³ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361... – P. 124-125. Pic. 134.

³⁴ Zimmermann, B. Mittelalterliche Geschossspitzen: kulturhistorische, archäologische und archäometallurgische Untersuchungen. – Basel, 2000. – S. 1–53.

возможность того, что, несмотря на многочисленные запрещения, некоторые предметы защитного снаряжения попадали в Новгород контрабандой из Европы³⁵ и могли принадлежать состоятельному новгородцу.

Следующая пластина из Новгорода была найдена на Никитинском раскопе в 2002 г. (рис. 1 м; 5, в) (НГОМЗ НВ 23293/пр. к А199-389, Н-2002, Никитинский р-п, 25 – вост. тр. № 21). Она имеет вытянутую семиугольную форму, шириной – 2,1 см, высотой – 3,3 см, при толщине металла – 0,05 см. Выгиб пластины продольный и равен 0,6 см. В центральной части изделия расположена заклепка. Зазор между ней и внутренней частью пластины из-за наличия окислов без дополнительных реставрационных работ установить затруднительно. Высота заклепки составляет 0,4 см.

Несмотря на сам факт присутствия в средневековых слоях Новгорода данной находки, нельзя уверенно сказать, является ли этот предмет импортом, или это продукт местных мастеров, относится ли он вообще к комплексу вещей из раскрытых усадеб, т. к. найден в траншее, из-за чего выпадает из археологического контекста, и, как следствие, его датировка представляется затруднительной. По нашему мнению, очень высока вероятность того, что пластина могла попасть в культурный слой не ранее начала интенсивной застройки участка, что соответствует середине XIV в.³⁶ И, судя по глубине залегания (пласт 25), относится к ранним слоям «усадебного периода», датированного 40 гг. XIV – сер. XV в.³⁷

Данная пластина так же, как и пластина с Кировского раскопа, вероятно, является деталью защитной перчатки. Такое предположение мы делаем, опираясь на аналогичные находки среди материалов из Висбю, где обнаружены схожие по морфологическим и конструктивным признакам пластины. Продолgovатые пластины с заклепкой в центральной части встречены у перчаток № 1³⁸ (рис. 1, н, о) и № 8³⁹ (рис. 1, п).

Вероятно, в конструкции защитной перчатки пластина с Никитинского раскопа, по аналогии с находками из Висбю, располагалась на пальце кожаной или матерчатой основы/перчатки. Судя по характеру заклепки, имеющей полусферическую шляпку на наружной поверхности пластинки и расклепанное основание изнутри, можно достаточно уверенно говорить, что пластинка крепилась снаружи основы.

Высокая вероятность того, что это предмет импорта, может быть подкреплена тем обстоятельством, что на территории Древней Руси аналогичные средства защиты очень редки.

Очень интересной и сложной в атрибуции представляется находка, найденная на Неревском раскопе, состоящая из скрепленных между собой двух фигурных пластин фрагментарной сохранности (два фрагмента), идентифицированная

³⁵ Хорошевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV-XV веках. – М., 1963. – С. 311; 315.

³⁶ Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. – М., 2010. – С. 38.

³⁷ Там же. – С. 127.

³⁸ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361... P. 417, Fig. 407, 7, 12.

³⁹ Ibid. – P. 431, fig. 422, 2.

А. Н. Кирпичниковым в работе 1976 г. как «часть металлической перчатки»⁴⁰ (рис. 2, а; 5, г, д) (НГОМЗ КП 35338-1388, Н-1957, Неревский р-п, 12-1499 № 9). Впервые эти пластины были опубликованы в 1959 г. А. Ф. Медведевым в работе «К истории пластинчатого доспеха на Руси»⁴¹. В публикации был предложен вариант графической реконструкции формы пластин. Однако из-за схематичности изображения была неверно передана форма сохранившихся частей, вследствие чего оказывается под вопросом и реконструкция утраченных элементов. А. Ф. Медведев и А. Н. Кирпичников датировали данную находку 1 пол. – сер. XIV в.⁴², а это значит, что хронологически она близка к находкам из Висбю, датированным не позднее 1361 г.

Первый из двух фрагментов представляет собой фигурную пластину с четырьмя сохранившимися аккуратными заклепками по краям для фиксации подкладки или несущей основы. Высота пластины – 6,5 см, ширина – 6,4 см. Выгиб составляет 1,5 см. Толщина металла около 0,1 см.

В центре пластины расположено дугообразное ребро жесткости. Нижняя сторона пластины имеет округлую форму и небольшой отгиб кромки наружу. У верхней стороны пластины фигурный край с двумя дугообразными вырезами. В правой верхней части фиксируется небольшая утрата (возможно, в этом месте пластины находилась еще одна заклепка). Изнутри пластины, в верхней части, имеется прикрепленный с помощью сохранившейся заклепки один из фрагментов второй пластины.

Вторая пластина сохранилась в виде двух фрагментов. Один из них прикреплен заклепкой к первой пластине, что указывает на то, что в древности пластины были между собой соединены в одной конструкции. Изначальная форма верхней пластины, по-видимому, отличалась от формы нижней. В то же время, несмотря на это, в обеих пластинах присутствуют некоторые схожие черты. В первую очередь это относится к ребру в центральной части пластины и дугообразным вырезам в верхней кромке. На левом выступе верхней пластины, образованном вырезом, располагается заклепка, подобная описанным выше. Реконструируемая высота всей пластины около 5 см. Высота наибольшего фрагмента – 3,8 см, ширина – 4,9 см.

По нашему мнению, наибольшее сходство данные пластины имеют с пластиналами защитных перчаток, прикрывающими основание большого пальца⁴³. Для обоснования этой версии необходимо обратиться к подробному анализу формы верхней и от части нижней пластины.

Верхняя пластина, в отличие от нижней, сохранила только один дугообразный вырез. В реконструкции А. Ф. Медведева гипотетически предполагается существование и второго выреза (видимо, по аналогии с нижней пластиной).

⁴⁰ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. ... – С. 36.

⁴¹ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. – С. 130, рис. 4, 4.

⁴² Там же. – С. 130, рис. 4, 4; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв... – С. 36, 37, рис. 11, 5.

⁴³ Б. Тордеман называет такие пластины: «*The plate at the base of the thumb*» – пластина в основании большого пальца. См.: Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361... P. 419.

Верхняя пластина в месте выреза имеет заметный небольшой отгиб кромки внутрь. Сочетание формы дугообразного выреза и отгиба кромки встречается в некоторых деталях защитных перчаток, что характерно – в пластинах, прикрывающих основание большого пальца. Отгиб дугообразной кромки внутрь встречен на пластинках перчаток № 3 (рис. 2, б)⁴⁴ и № 4 (рис. 2, в)⁴⁵ из Висбю, перчаток из замка Кюсснах, Швейцария (рис. 3, а)⁴⁶, и замка Борингхольм, Дания (рис. 3, б)⁴⁷. Подобную форму, но без отгиба кромки, имеет и пластина перчатки № 2 из Висбю (рис. 3, в)⁴⁸. К тому же на пластине перчатки № 3 из Висбю, судя по прорисовке в книге Б. Тордемана, просматривается ребро жесткости, что также сближает данную находку с нашими пластинами.

Итак, если наше предположение верно и пластины, найденные на Неревском раскопе, действительно являются частью защитной металлической перчатки, то логично предположить наличие второго дугообразного выреза, подобного имеющимся на пластинках перчаток № 2, № 3 и № 4 из Висбю. В связи с этим стоит обратить внимание на обломанный край новгородской пластины, в месте, где заканчивается сохранившийся дугообразный вырез. При внимательном рассмотрении в этом месте заметна небольшая деформация, выраженная в отгибе кромки металла наружу. Сложно однозначно сказать, является ли отгиб кромки специально задуманным, или это следствие механического воздействия, приведшего к поломке. Тем не менее нечто подобное мы встречаем на пластине от перчатки № 3 из Висбю (рис. 2, б), у которой кромка полукруглого выреза отогнута наружу для шарнирного соединения посредством заклепок с одной из двух пластин, прикрывающих большой палец⁴⁹.

Еще одной интересной находкой является большая подтрапециевидная пластина с Неревского раскопа (рис. 3, г; б) (НГОМЗ КП 35338-1384, Неревский р-п, б/п). К сожалению, данная пластина депаспортизована, из-за чего затруднена ее датировка и топографическая привязка в пределах границ Неревского раскопа.

Размеры пластины: высота – 11,4 см, наибольшая ширина – 9,9 см. Вес пластины – 38 г. Толщина металла около 0,1 см. Один из углов пластины отсечен по ломанной под тупым углом линии (возможно, кузнецким способом при помощи зубила), в результате чего получился вырез, остальные три угла скруглены. Пластина снабжена двумя рядами заклепок, по 3 заклепки в каждом. Верхний ряд начинается на уровне угла выреза, другой расположен вдоль линии нижнего края. Характер заклепок предполагает крепление пластины поверх несущего материала. Пластина немного выгнута, примерно вдоль оси, проходящей через центральные заклепки верхнего и нижнего ряда. Высота выгиба – 1,7 см.

⁴⁴ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361... – P. 426, fig. 416, 10.

⁴⁵ Ibid. – P. 427, fig. 417, 2.

⁴⁶ Ibid. – P. 233, fig. 211, первая справа.

⁴⁷ Ibid. – P. 234, fig. 212, первая справа.

⁴⁸ Ibid. – P. 422, fig. 412, 10.

⁴⁹ Ibid. – P. 421.

Ближе всего по форме и конструкции «неревская» пластина напоминает пястные пластины⁵⁰ от защитных перчаток № 1 (рис. 3, д)⁵¹, № 5 (рис. 4, а)⁵², № 6 (рис. 4, б, в)⁵³ и № 7 (рис. 4, г)⁵⁴ из Висбю. Характерными признаками этих пластин являются: подтрапециевидная форма с ровной поверхностью, изгиб вокруг пястной части кисти, крепление поверх несущего материала-основы. Аналогичные признаки наблюдаются у новгородской пластины. Кроме этого, два ряда заклепок и вырез в основании указательного пальца на пястной пластине перчатки № 5 указывают на некоторое сходство с рассматриваемой пластиной с Неревского раскопа. Справедливости ради стоит отметить, что в публикации Б. Тордемана на графическом изображении пястной пластины от перчатки № 5 вырез в основании большого пальца подразумевается как утрата и предполагаемый недостающий фрагмент обозначен пунктирной линией⁵⁵. Поэтому данный признак в качестве доказательства принадлежности пластины из Новгорода к деталям защитных перчаток можно считать действительным только в случае, если графическая реконструкция в публикации Б. Тордемана не верна.

Второй категорией защиты конечностей среди новгородского материала является защита предплечья – наруч. На сегодняшний день в Великом Новгороде найдено два фрагмента этого доспеха.

Первый фрагмент (НГОМЗ КП 42250/А188-112 Неревский р-п, 1959, яр. 8, пл. 7, кв. 1907) найден в 1959 г. в 8-м ярусе, пласт 7 квадрат 1907, на Неревском раскопе. Его длина – 7,9 см, ширина – 7,5 см, толщина металла – 0,08–0,11 см, вес – 34 г. (рис. 7; 8). Найдка представляет собой фрагмент нижней части внешней пластины правого наруч. Внутренний торцевой край пластины значительно отвалился. С внутренней стороны пластины сохранился полуovalный фрагмент петли, которыми крепились обе створки. Фрагмент петли фиксируется одной заклепкой. Найдка имеет дугообразное сечение. Датируется пластина по строительству мостовой 1369 г.

Второй фрагмент (НГОМЗ НВ 23201/Пр. к А188-32. Неревский, б/п) происходит из коллекции археологических находок из раскопок в Новгороде и Перуни Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (рис. 9; 10). К сожалению, фрагмент депаспортизирован. Известно только, что он так же, как и первый фрагмент, происходит с Неревского раскопа, другие детали не известны. Найдка представляет собой фрагмент внутренней створки левого наруч. Ее длина – 12 см, наибольшая ширина – 6,8 см, толщина металла – около 0,1 см. Торцевая часть у створки разрушена коррозией. С противоположной стороны створки вдоль верхнего края сохранилось 11 круглых

⁵⁰ Б. Тордеман называет такие пластины: «*The metacarpal plate*» – пястная пластина. См.: Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361... – P. 414.

⁵¹ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361... – P. 417, fig. 407, 2.

⁵² Ibid. – P. 428, fig. 418, 1.

⁵³ Ibid. – P. 430, fig. 420, 1, 2.

⁵⁴ Ibid. – P. 430, fig. 421.

⁵⁵ Ibid. – P. 428, fig. 418, 1.

отверстий, 3 из них разрушены коррозией. При этом внешний торец створки не ровный, а несколько скошен под небольшим углом, в левую сторону. На створке с левой стороны сохранились следы крепления одной петли для фиксации пряжки: это сильно коррозированная, по-видимому фигурно оформленная, узкая металлическая полоса. Со стороны внешнего края часть этой полосы загибалась, образуя тем самым пазы, в которых пряжка крепилась. На данный момент в пазах сохранилась нижняя стенка пряжки. Сама крепежная пластина фиксировалась на створке посредством трех заклепок. В целом находка сильно деформирована, но, безусловно, изначально она имела дугообразное сечение. Как уже было сказано выше, находка является депаспортизированной, поэтому установить ее датировку не представляется возможным. А. Ф. Медведев, который публиковал этот экземпляр ранее, продатировал его 1-й половиной XIII в.⁵⁶

В отечественной историографии этот тип наручей принято называть персидским термином *базубанд*⁵⁷. В целом находки таких двусторчатых наручей хорошо известны в Восточной Европе. Непосредственно с территории Древней Руси происходит еще не менее четырех находок наручей-базубандов: целый наруч найден на городище Сахновка⁵⁸, внутренняя створка от наруч проходит с летописного Червеня⁵⁹, обломок внешней створки обнаружен на окольничем городе⁶⁰ и, как минимум, один гарнитур в обломках в оружейной мастерской⁶¹ Гомеля. Известны находки наручей типа *базубанд* и в золотоордынских памятниках. Шесть гарнитуров происходят из захоронений: в кургане 180 Парканы⁶², кургане 3/1 Каирка⁶³, кургане 1/1 Озерное⁶⁴, кургане 4/1 Ботиево⁶⁵, кургане 1/2

⁵⁶ Медведев А.Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. – С. 129, рис. 3, 8.

⁵⁷ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М., 1983. – С. 257; Он же. Ранний монгольский доспех (IX – 1 половина XVI вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. – С. 196.

⁵⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств X–XIII вв. // САИ. – Вып. Е 1–36. – Л., 1971. – Рис. 23.

⁵⁹ Zbierski, A. Wczesnośredniowieczne materiały archeologiczne z Czermna nad Huczwą // Arceologia Polski. T. IV, z. 1. – Warszawa- Wrocław, 1959. – S. 145. Rys. XVI.

⁶⁰ Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. – Гомель, 2009. – С. 120, рис. 103.

⁶¹ Макушников О. А. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия // Старожитності південної Русі. – Чернігів, 1993. – С. 122, рис. 1, 6; Макушников О. Л., Лутиненко Ю. М. Ламеллярный доспех восточнославянского ратника начала XIII в. (по материалам раскопок в Гомеле) // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 18. – Мінск, 2004. – С. 218, рис. 10.

⁶² Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. – Киев, 1951. – С. 29.

⁶³ Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – Киев, 1999. – С. 190, рис. 47, 1, 2.

⁶⁴ Гавrilov A. B. Отчет о раскопках курганов у с. Озерное Скадовского района Херсонской области в 1992 году. – Архив ИА НАНУ №1992/91. – С. 46, 48, 50-51, рис. 16, 18-30; 18, 27-28; 20, 27-28; 21, 30.

⁶⁵ Болтрук Ю. В., Фіалко О. Є. Кургани доби бронзи та розвиненого середньовіччя біля гирла р. Корсак у Приазов'ї // Археологічні дослідження в Україні 1993 року. – Київ, 1997. – С. 15.

Дмитриевская⁶⁶ и в кургане 1/2 Балабаны II⁶⁷. Целый гарнитур происходит из золотоордынского слоя городища Яловень⁶⁸. Обломки еще одного гарнитура зафиксированы в обнаруженном кладе на городище Старый Орхей⁶⁹. Стоит заметить, что авторы публикации приняли их за поножи, но размеры находок указывают на то, что это именно наруччи⁷⁰. Возможно, фрагментами наруччи является находка в кургане 1/1 Коллекторский⁷¹.

Достаточно хорошо двусторчатые наруччи-базубанды известны на памятниках Северного Кавказа, синхронных золотоордынским⁷². В первую очередь, это находки из погребений: один гарнитур(?) в обломках⁷³ и еще фрагменты одного наруччи найдены в полуподземном коллективном склепе № 2 у селения Верхний Лейми⁷⁴; гарнитур из склепа № 1 у поселка Верхний Оздик⁷⁵, обломок внутренней створки из склепа № 6 Килийского могильника⁷⁶, обломок внешней створки из склепа № 5 у селения Цеча-Ахк⁷⁷, гарнитур из погребения в каменном ящике у селения Верхний Алкун⁷⁸ и гарнитур из разрушенного погребаль-

⁶⁶ Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. – Краснодар, 2003. – С. 202, рис. 3, 3; Кочкаров У. Ю. Позднесредневековые погребения всадников в Краснодарском крае // КСИА. Вып. 217. – М., 2004. – С. 97, рис. 2, 5.

⁶⁷ Postică, Gh, Sava, E. Complexe funerare nomazilor medievali de lângă satul Bălăbani, raionul Tracia, Republica Moldova // Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie. Tom. 47, nr. 1. – București, 1996. – P. 78-79. Fig. 6, 6; 7, 2-4; Sava, E. Necropola tumulară Bălăbani – II // Moldovei. № XIX. – București, 1996. – P. 202. Fig. 6, 2-4.

⁶⁸ Vornic, V., Tabuncic, S., Ciobanu, L., Ursu, I., Iarmulschi, V. Sondajul în obiectivul arheologic de la Ialoveni-Marginea de sud a orașului // Revista Arheologică. Seria nouă. Vol. IV, nr. 1. – Chișinău, 2008. – P. 202. Fig. 9.

⁶⁹ Бырня П. П., Рябой Т. Ф. Два клада из Старого Орхея. – Кишинев, 2000. – С. 78, рис. 117, 4–7.

⁷⁰ Там же. – С. 78.

⁷¹ Чхайдзе В. Н., Дружинина И. А. Тяжеловооруженные золотоордынские воины Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. – М., 2010. – С. 121, рис. 5, 5.

⁷² Чахкиев Д. Ю. Золотоордынские черты в военном деле вайнахов (XIII–XV) // Первые Архиевские чтения. – Назрань, 1994. – С. 14-15.

⁷³ Чахкиев Д. Ю. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми (горная Ингушетия) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1985. – С. 63.

⁷⁴ Там же. – С. 62, рис. 1, 3.

⁷⁵ Чахкиев Д. Ю. Некоторые археологические открытия в зоне строительства КПЖД в горной Ингушетии // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1990. – С. 97, рис. 11, 2-3.

⁷⁶ Нарожный Е. И., Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Полуподземные склепы Келийского могильника (по материалам охранных археологических исследований 1987 г. в горной Ингушетии) // Археологические открытия на новостройках Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1990. – С. 74, рис. 12, 10.

⁷⁷ Чахкиев Д. Ю., Голованова С. А., Нарожный Е. И. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооружения у вайнахов // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1986. – С. 74.

⁷⁸ Чахкиев Д. Ю., Нарожный Е. И. Погребение знатного горского воина начала XV века из селения Верхний Алкун (Чечено-Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – С. 136, рис. 1, 5-6.

ного комплекса у селения Макажой⁷⁹. Еще обломок одной внешней створки происходит с поселения Цеча-Ахк⁸⁰. Также имеются еще две находки, которые, возможно, относятся к более позднему времени: целый наруч в склепе № 8 у селения Фалхан⁸¹ и обломок одной створки, обнаруженный на берегу р. Лабы близ ст. Темиргоевской⁸². Здесь стоит указать, что находки более поздних наручей, XV–XVII вв., известны и в других регионах. Так, внешняя створка наруча XV в. происходит из округи болгарского г. Опака⁸³, фрагмент внешней створки наруча XVII в. был найден на месте битвы под Берестечком⁸⁴. В целом, наручи XV–XVII вв. хорошо известны по музеинм собраниям, поэтому мы не видим смысла на них останавливаться более подробно. В то же время болгарский исследователь Станимир Дмитров, взяв за основу материал именно позднего периода, предпринял попытку систематизировать часть имеющихся находок. Он попытался создать некую промежуточную типологию, в основу которой был положен принцип соединения и устройства внутренних створок⁸⁵. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что эта типология является весьма уязвимой. Дело в том, что такой подход вполне оправдывает себя в работе с целыми гарнитурами из музейных коллекций, но для археологического материала, где значительная часть находок представлена во фрагментированном виде, он не годится. В значительной мере это относится и к обеим новгородским находкам, их сохранность не позволяет ответить однозначно, как створки фиксировались друг с другом. Между тем, обе находки несколько отличаются друг от друга по устройству торцевой части.

Фрагмент внешней створки из раскопок 1959 г. имеет сильный отвалицовый край с внутренней торцевой стороны. На территории Руси эта особенность встречена только на фрагменте внешней створки, найденной на окольничем городе в Гомеле (рис. 11, а). Станимир Дмитров считает, что это техническое решение предназначено для лучшей фиксации аппликаций из цветного металла, которые известны по материалам более позднего времени⁸⁶. Но в нашей ситуации с этим выводом согласиться трудно, на фрагменте из Новгорода не встречено никаких следов крепления, подразумевающих

⁷⁹ Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. – Армавир, 2003. – С. 153, рис. 11, 1.

⁸⁰ Там же. – С. 152, рис. 10, 2.

⁸¹ Марковин В. И. Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и Средневековья Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1981. – С. 101, рис. 3, 52.

⁸² Петриченко Б. Е. Фрагмент боевого наруча из ст. Темиргоевской // Пятье чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). – Армавир, 1998. – С. 43, рис. 1.

⁸³ Дмитров С. Налакътник от района Опака // Попово в миналото. Т. 5. 50 години музей в Попово: Доклади и съобщения от научна конференция, проведена на 7 юни 2007 г. – Разград, 2008. – С. 221–232.

⁸⁴ Свешников І. К. Битва під Берестечком. – Львів, 1993. – С. 264.

⁸⁵ Дмитров С. Налакътник от района Опака. – С. 223–225.

⁸⁶ Там же. – С. 231.

подобное украшение. В свою очередь, такая особенность встречена на внешней створке наруча, который был найден в царском дворце в г. Велико-Тырново, Болгария (рис. 11, б-в)⁸⁷. Эта находка относится к финальному периоду Второго Болгарского царства⁸⁸, то есть к середине – второй половине XIV в. Данный экземпляр очень интересен: он имеет весьма близкую конструкцию наручам-базубандам, но при этом отличается от них.

На наш взгляд, этот экземпляр очень похож на одну группу наручей, известных по немногочисленным западноевропейским изображениям начала – середины XIV в., некий симбиоз базубандов и западноевропейских двусторчатых цилиндрических наручей. Подобные наручи изображены на надгробии немецкого рыцаря Конрада Заинсхайма (*Konrad Seinsheim*), умершего в 1369 г. (рис. 12, а). Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с некоей промежуточной традицией, которая не относится ни к Востоку, ни к Западу, и ее истоки нужно искать где-то на Балканах, возможно, в Византии. Фрагментированность новгородской, впрочем, как и гомельской, находки не позволяет с уверенностью отнести их к этой традиции. Вполне возможно, что значительная отвальцованность торцевой части была вызвана пожеланием заказчика доспеха, хотя, на наш взгляд, это маловероятно. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с импортом.

Вторая новгородская депаспортизированная находка имеет особенность, связанную с оформлением внешнего торца. Речь идет об отверстиях, которые расположены вдоль верхнего края створки. Ближайшей аналогией являются наручи из одной частной польской (?) коллекции, составляющие один гарнитур, опубликованные в 1997 г. польским исследователем Я. Гутовским (*Jasek Gutowski*)⁸⁹. У этой пары наручей, как и у описываемой находки, вдоль верхнего края внутренних створок расположены отверстия. Судя по следам коррозии, они служили для пришивания подкладки или, что более вероятно, для приснурковки рукавицы. Дело в том, что оба наруча гарнитура имеют приплетенную защиту кистей, при этом ее устройство, в своем роде, уникально. Эта защита устроена следующим образом: с внутренней торцевой стороны обеих створок проделаны небольшие круглые отверстия. Посредством их к створкам крепится кольчатое плетение, которое образует защиту тыльной стороны кисти, до первых фаланг пальцев включительно и большого пальца полностью. Две крайние фаланги оставшихся четырех пальцев защищает приплетенная металлическая полуovalная пластина (рис. 13). В целом, кольчатые рукавицы известны по русским наручам XVI-XVII вв. Они абсолютно одинаковы по покрою с вышеописанными и изнутри, а иногда и сверху, покрывались матер-

⁸⁷ Пользуясь случаем, авторы хотели бы поблагодарить магистра юридико-исторического факультета Великотырновского университета Станимира Дмитрова за предоставленные фотографии.

⁸⁸ Николова Я. Домашният бит и въоръжението в двореца на Царевец според археологическият материал // Царевград-Търнов. Т. 2. Керамика, битови предмети и въоръжение, накити и тъкани. – София, 1974. – С. 302. Обр. 111.

⁸⁹ Gutowski, J. Katalog zabytków tatarskich. Tom I: Broń i uzbrojenie Tatarów. – Warszawa, 1997. – № 40.

чатой или кожаной подкладкой (рис. 14)⁹⁰. Что касается гарнитура из польской (?) частной коллекции, то роль кольчатого плетения в них не ограничивается защитной функцией кисти. Кольчатым плетением соединены и обе створки наручей. Этот прием также характерен для большинства базубандов XV–XVII в. Автор публикации атрибутировал гарнитур как турецко-татарский по происхождению и отнес его к XVI в. На это исследователя подтолкнуло наличие клейма на обоих наручах, похожего, по его мнению, на «тамгу Гиреев»⁹¹. Здесь стоит заметить, что ни иранская, ни индийская традиции, где в XVI–XIX вв. довольно часто встречается кольчатое прикрытие кисти, такого технического решения не знали. В этих регионах кольчатое полотно нашивалось на матерчатую основу, которая затем пришивалась к базубандам⁹².

Между тем, для Руси XIII в. есть находки наручей, у которых присутствуют отверстия и вдоль внутреннего торца, как у гарнитура, опубликованного Я. Гутовским. Речь идет об упомянутых выше обломках гарнитура из Гомельской мастерской (рис. 15, а-б) и о внутренней створке из Червеня (рис. 15, в). В отношении последней находки стоит заметить, что польский исследователь Витольд Светославский (*Witold Świętosławski*) под воздействием взглядов М. В. Горелика⁹³ считает, что она является частью комплекса вооружения монголо-татар и была ими утеряна во время западного похода 1240–1241 гг.⁹⁴ В то же время другой польский исследователь П. Сtryж (*Piotr Struż*) не исключает ее древнерусского происхождения⁹⁵. Но самое примечательное, что за пределами Древней Руси такая конструкция наручей до сих пор ни разу не встречена.

Вполне вероятно, что отверстия вдоль внутреннего торца гомельской и червенской находок, как и у наручей, опубликованных Я. Гутовским, служили для приплетения кольчатой защиты кисти. О. А. Макушников в одной из своих последних работ в отношении гомельской находки об этом пишет напрямую⁹⁶.

При этом схожесть описанного гарнитура с новгородской находкой не заканчивается только гипотетической защитой кисти. У обоих экземпляров очень интересно устроены застежки. На большинстве наручей, где удалось проследить систему крепления, она выглядит следующим образом. По внешнему

⁹⁰ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войскъ, с рисунками, составленное по Высочайшему повелѣнію. Ч. I. – СПб, 1841. – С. 51–52, рис. 41–42; Солнцев Ф. Г. Древности Россійского государства, изданныя по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Николая I. Отд. 3: Броня, оружие, кареты и конская сбруя. – М., 1853. – С. 53, рис. № 56.

⁹¹ Gutowski, J. Katalog zabytków tatarskich. – S. 56.

⁹² Дмитров С. Налакътник от района Опака. – С. 225. Обр. 6; Mohamed, B. The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. – Milano, 2008. – P. 311. № 299.

⁹³ Świętosławski, W. Uzbrojenie koczowników Wielkiego Stepu w czasach ekspansji Mongołów (XII–XIV w.). – Łódź, 1996. – S. 21.

⁹⁴ Świętosławski, W. Archeologiczne ślady najazdów tatarskich na Europę Środkową w XIII w. – Łódź, 1997. – S. 40.

⁹⁵ Struż, P. Uzbrojenie we wczesnośredniowiecznej Małopolsce // Acta Archaeologika Lodziensia. – Łódź, 2006. – S. 20–21.

⁹⁶ Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. – С. 120.

краю внутренней створки на небольшом расстоянии крепятся две прямоугольные или овальные пряжки-застежки. В свою очередь, на внешней створке очень близко к внешнему краю расположены два узких прямоугольных отверстия, в которые продевался и там фиксировался ремешок. Лишь у гарнитура из Гомельской мастерской ремешки пропускались через специально смонтированные на внешней створке колечки⁹⁷. Посредством этого ремешка и пряжек наручи и крепились на руке. У обоих экземпляров принцип крепления такой же, но устроен он немного по-другому. Пряжки крепились не непосредственно к створкам, а на вытянутых, фигурно оформленных узких металлических полосах, которые не только служили украшением, но и усиливали створки как ребра жесткости. По полностью сохранившемуся гарнитуру из частной польской (?) коллекции можно говорить о том, что ремешки на внешних створках новгородских наручей крепились посредством таких же вытянутых, фигурно оформленных узких металлических полос. Все вышесказанное наводит нас на предположение, что новгородская находка и гарнитур, опубликованный Я. Гутовским, если и не датируются одинаково, то наверняка принадлежат к одной традиции. Единственное, что может смущать, – это способ скрепления обеих створок на наручах гарнитура из частной польской (?) коллекции при помощи кольчатого плетения. Что касается археологических находок, имеющихся в нашем распоряжении, в отношении гомельских наручей мы с уверенностью можем констатировать, что у них обе створки крепились при помощи петель. В отношении новгородской находки и находки из Червеня что-либо конкретное утверждать мы не можем, так как внутренние стороны в обоих случаях коррозированы, но мы не исключаем, что их могли фиксировать между собой при помощи кольчатого плетения.

К сожалению, на данный момент генезис двусторчатых наручей в Восточной Европе остается невыясненным. Так, опубликовавший одну из первых находок наруч с городища Сохновка А. Н. Кирпичников, следуя в русле научной мысли своего времени, поспешил отнести ее к древнерусским изобретениям⁹⁸. В свою очередь, М. В. Горелик чуть позже высказал предположение о том, что на Русь этот экземпляр был занесен монголо-татарами⁹⁹. Две эти точки зрения господствуют до сих пор¹⁰⁰.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 20-21.

⁹⁹ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. – С. 196; Он же. Ранний монгольский доспех (IX – 1 половина XVI вв.). – С. 258.

¹⁰⁰ Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С. Средневековые рыцари. – С. 195; Бырня П. П., Рябой Т. Ф. Два клада из Старого Орхея. – С. 94; Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв. – С. 120; Нарожный Е. И., Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Полуподземные склепы Келийского могильника (по материалам охранных археологических исследований 1987 года в горной Ингушетии). – С. 77; Нарожный Е. И., Чахкиев Д. Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII–XV вв.). – С. 137-138; Чахкиев Д. Ю. Некоторые археологические открытия в зоне строительства КПЖД в горной Ингушетии. – С. 96; Чахкиев Д. Ю., Голованова С. А., Нарожный Е. И. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооруже-

Между тем, первые двустворчатые наручи в Восточной Европе встречены в хазарских погребениях IX в. Об одной находке, обнаруженной в 134 погребении Борисовского могильника, сообщает В. В. Саханев¹⁰¹, еще один гарнитур происходит из могильника Дюрсо¹⁰². Наручи входили в состав погребения, обнаруженного случайно в 1927 г. в черте Новороссийска¹⁰³. Целый наруч этого периода, который происходит из грабительских раскопок в Краснодарском крае, был недавно передан в коллекцию ГИМ, сейчас готовится его публикация¹⁰⁴. К сожалению, нам ничего не известно о бытовании базубандов в Восточной Европе в период с XI по начало XIII в. Но, возможно, это связано с плохой изученностью комплекса вооружения этого времени, вызванной непредставительской археологической базой. Как бы там ни было, находки наручей с территории Древней Руси позволяют говорить, что эта деталь доспеха в целом использовалась в древнерусском комплексе вооружения. А депаспортизированная новгородская находка указывает на то, что на Руси использовался свой тип наручей, который по конструкции отличался от базубандов прочих территорий Восточной Европы.

К третьей категории защиты конечностей – защите плечевого сустава, наплечникам – среди новгородского материала с полной уверенностью может быть отнесена одна находка. Б. А. Колчин и В. Л. Янин в своей совместной статье, посвященной пятидесятилетней годовщине раскопок Новгорода, указали, что в 1958 г. на раскопе XXVIII в слое XIV в. был найден «тонкий стальной наплечник пластинчатого доспеха с орнаментом, нанесенным золотой наводкой. На наплечнике изображен грифон»¹⁰⁵. К сожалению, на сегодняшний день невозможно установить, что представляет собой данная находка. Авторам не удалось найти эту находку среди коллекций НГОМЗ, ГИМ и ГЭ – основных мест хранения новгородских археологических коллекций. Также не удалось установить, где хранится описание этого года раскопок.

В целом, наплечники – относительно редкая находка для археологии. С территории Древней Руси их известно несколько: находки XIII в. из Минска¹⁰⁶, Ви-

ния у вайнахов. – С. 75-76; Vornic, V., Tabuncic, S., Ciobanu, L., Ursu, I., Iarmulschi, V. Sondajul în obiectivul arheologic de la Ialoveni-Marginea de sud a orașului. – Р. 205-206.

¹⁰¹ Саханев В. В. Раскопки на Съверномъ Кавказѣ в 1911-1912 гг. // Извѣстія Императорской Археологической комиссіи. Вып. 56. – СПб, 1914. – С. 144.

¹⁰² Дмитриев А. В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V-IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV-XIII века. – М., 2003. – С. 204.

¹⁰³ Чайковский Г. Случайные находки древностей в 1924–1927 гг. на Черноморском побережье (В окр. г. Новороссийска, по данным местн. музея природы и истории) // Записки: Северо-Кавказ. Краевое общество археологии, истории и этнографии. Кн. I (Т. III). Вып. 3-4. – Ростов-на-Дону, 1927-28. – С. 76.

¹⁰⁴ Пользуясь случаем, авторы хотели бы поблагодарить за предоставленную информацию сотрудника Отдела археологических памятников ГИМ С. С. Зозулю.

¹⁰⁵ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник «50 лет археологии Новгорода». – М., 1982. – С. 29.

¹⁰⁶ Загорульский Э. М. Возникновение Минска. – Минск, 1982. – Табл. XI.

щенского¹⁰⁷, Бородинского¹⁰⁸ и Свислоческого¹⁰⁹ городищ, а также находка XIV в. из Твери¹¹⁰.

Известны наплечники и с сопредельных территорий. С территории Великого Княжества Литовского это находки XIII-XIV вв. из Гродно¹¹¹ и с городища Бубяй¹¹², находка второй половины XIV в. с Гочевского городища¹¹³. С территории Золотой Орды это наплечники рубежа XIII-XIV вв. из кургана у местечка Чойош, на востоке Венгрии¹¹⁴, и наплечники XIV в. из погребения у с. Озерное, на Херсонщине¹¹⁵. По имеющейся у нас информации, еще одни наплечники в составе золотоордынского погребения были найдены в конце 1980-х гг. в распаханном кургане между д. Таволжанка и д. Слоновка Новооскольского района Белгородской области. К сожалению, находка утеряна¹¹⁶. В литературе есть упоминание о находке наплечников в золотоордынском погребении у с. Ботиево, в Запорожье¹¹⁷, но на самом деле это верхняя часть внутренней створки наручи¹¹⁸. Возможно, наплечником является подтреугольная пластина, найденная в составе (?) ламеллярного

¹⁰⁷ Загорульский Э. М. Виццинский замок XII-XIII вв. – Минск, 2004. – С. 120, рис. 64, 2.

¹⁰⁸ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // Материалы и исследования по археологии СССР. № 92. – М., 1960. – С. 109, рис. 58, 8.

¹⁰⁹ Кошман В., Плавінскі М. Прадметы ўзбраення з гарадзішча Свіслач (па матэрыялах раскопак 2000, 2005-2007 гадоў): да пытання аб мангольскіх нападках на тэрыторыю Беларусі ў сярэдзіне XIII ст. // Acta Archaeologika Albaruthenica. Vol. IV. – Мінск, 2008. – С. 103. Мал. 3, 4; Плавинский Н. А., Кошман В. И. Предметы вооружения середины XIII в. из раскопок городища Свислочь // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. Т. 2. – М., 2010. – С. 144, рис. 3, 4.

¹¹⁰ Наплечник был найден в 1997 г. в ходе раскопок В. А. Лапшина, информацию любезно предоставил К. А. Жуков (ИИМК РАН).

¹¹¹ Плавінскі М. А. Засцерагальнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі // Гісторычна-археалагічны зборнік. № 16. – Мінск, 2001. – С. 145. Мал. 6, 12.

¹¹² Габрюнайте К. Локальные подражания раннесредневековых шлемов русского типа в Литве // Acta Baltico-Slavica. T. 2. – Bialystok, 1965. – С. 127, рис. 8.

¹¹³ Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В. Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи из раскопок городища «Царский Дворец» // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья: Материалы конференции, посвященной 75-летию со дня рождения К. Ф. Сокола. – Курск, 2008. – С. 153, 155, рис. 1, 1; Барышев Г. В. Находки предметов вооружения и защитного снаряжения на территории Гочевского археологического комплекса // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. – Курск, 2009. – С. 269, 282, рис. 10, 2.

¹¹⁴ Pálóczi-Horváth, A. A csólyosi kun sírlelet // Folia Archaeologica. № 20. – Budapest, 1969. – P. 111. Ab. 2, 1-2.

¹¹⁵ Гаврилов А. В. Отчет о раскопках курганов у с. Озерное Скадовского района Херсонской области в 1992 году. – С. 45-46, 48, 50-51, рис. 15, 16 – 16, 16.

¹¹⁶ Об этой находке нам несколько лет назад любезно сообщил Д. В. Рукавишников (ИА РАН).

¹¹⁷ Болтрук Ю. В., Фіалко О. Є. Кургани доби бронзи та розвиненого середньовіччя біля гирла р. Корсак у Приазов'ї. – С. 15.

¹¹⁸ Болтрук Ю. В., Фіалко Е. Е. Отчет о работе приазовского отряда экспедиции «Сула» в 1993 году. – Архив ИА НАНУ №1993/149. – С. 51-52, табл. 19, 4; 20.

доспеха в золотоордынском погребении в кургане 4 могильника Авиловский I, в Поволжье¹¹⁹. Два наплечника, входившие в состав одного из двух монгольских доспехов, найдены в тайнике на горе Ийи-Кулак в Пий-Хемском районе Тувы¹²⁰. Абсолютно идентичный им наплечник, только с наведенным серебром и золотом орнаментом, недавно был приобретен в коллекцию Столичного музея искусств г. Нью-Йорка (*The Metropolitan Museum of Art*), США¹²¹. Известны наплечники и по материалам Западной Европы. Целая серия наплечников, 2 полных гарнитура¹²² и одна отдельная находка второй половины XIV в. происходят из шведского Висбю¹²³. Наплечники этого же времени входили в состав двух бригантина, обнаруженных при раскопках швейцарского замка Кюсснах в кантоне Швиц¹²⁴ и в состав бригантины из раскопок замка Хирштайн, Бавария¹²⁵.

В отечественной литературе есть упоминания находок еще двух наплечников. Первый был найден в составе доспеха на Абаканском железном руднике, но в данном случае нас смущает материал наплечника – бронза¹²⁶. Второй экземпляр происходит из раскопок Панкратова в 1912 г. между станицами Когопкино и Змейское, в Северной Осетии¹²⁷, он интерпретирован как наплечник М. В. Гореликом, несмотря на размеры находки: – 23 × 20 см¹²⁸.

К сожалению, на сегодняшний день не рассмотрены типология наплечников и их происхождение в Восточной Европе. Но в отношении новгородского наплечника в целом можно констатировать, что украшение данного элемента доспеха характерно для Древней Руси XIII в. Так, технологические следы под инкрустацию присутствуют на наплечнике из Гродно¹²⁹, инкрустация сохранилась на наплечнике с Бородинского городища¹³⁰. Нам известен еще один однотипный

¹¹⁹ Воронцов И. А. Средневековые погребения в низовьях реки Иловли // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. – Волгоград, 2002. – С. 330, рис. 5, 6.

¹²⁰ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв. – С. 251, 253, табл. IV, ж.

¹²¹ La Rocca, D. J. Warrior of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armour of Tibet. New York, 2006. P.138. Fig.47.

¹²² Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361. – Vol. I. P. 346, 396. Fig. 367, 388.

¹²³ Ibid. – P. 112. Fig. 102, 3.

¹²⁴ Gessler, E. A. Die Spangenharnische von Küssnacht // Zeitschrift für Historische Waffen-und Kostümkunde. NF., Bd. I. (11). – Berlin, 1925. – P. 211-216.

¹²⁵ Hermann Historica OHG. 52. Auktion: «Alte Waffen, Antiken, Jagdliches, Varia». 04./05. Mai 2007. – München, 2007. – P. 436-437. Abb. 3641.

¹²⁶ Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии: Эпоха железа. – Новосибирск, 1979. – С. 134.

¹²⁷ Горелик М. В. Аланский воинский комплекс золотоордынского времени // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ, 21-25 апреля 2008 г. Тез. докл. Международной научной конференции. – Владикавказ, 2008. – С. 139. Таб. I, 13.

¹²⁸ Там же. – С. 137.

¹²⁹ Плавінскі М. А. Засцерагальнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі. – С. 145. Мал. 6, 12.

¹³⁰ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. – С. 109, рис. 54, 8.

наплечник XIII в. из несанкционированных раскопок восточнолитовских курганов¹³¹. На находке сохранились технологические следы под инкрустацию и следы покрытия в виде капелек серебра, расплавившегося во время обряда кремации.

Судя по новгородской находке, традиция украшения наплечников сохранилась и в XIV в.

Помимо находки, упомянутой Б. А. Колчиным и В. Л. Яниным, к наплечникам может быть отнесена еще одна находка (НГОМЗ КП 17771/А1-324 Неревский раскоп, 1952, пл.15, кв.150 № 5927). На Неревском раскопе (пласт 15, квадрат 150) была найдена подтреугольная, с левой асимметричной стороной, пластина (рис. 16; 17). С широкой торцевой стороны на пластине сохранилась часть петли. Она представляет собой согнутую пополам,гибающую с двух сторон торец наплечника квадратную пластину с пропиленными на сгибе пазами. Крепится петля двумя сквозными заклепками, расположенными по торцам, которые расклепывались изнутри. С боковых сторон по периметру находки густо расположены 20 отверстий. Вероятнее всего, они служили для пришнуровки подкладки. С правой стороны, как бы вторым рядом, на удалении друг от друга еще три отверстия, причем нижние, от петли, значительно шире остальных. Пластина в сечении слегка выгнута в обеих плоскостях, вдоль и поперек. Общие размеры пластины: 10,2 × 9,8 см., толщина металла – 1,5 мм. Датируется находка рубежом XIII-XIV вв.

А. Ф. Медведев, который опубликовал находку, посчитал, что это наколенник¹³². Позднее А. Н. Кирпичников в своем фундаментальном труде по вооружению Древней Руси атрибутировал ее как наплечник¹³³. В более поздней совместной работе оба исследователя вообще предпочли не касаться этой находки¹³⁴. Между тем, она очень близка ряду наплечников. В первую очередь, это наплечники от доспеха № 1 из братских могил под Висбю (рис. 18, а-б)¹³⁵. Обе находки близки по форме, размерам и устройству петель, которыми они крепились к доспеху¹³⁶. Самое главное отличие заключается в отсутствии отверстий для пришнуровки подкладки на шведском наплечнике. Но именно этой деталью новгородская находка схожа еще с двумя экземплярами. Речь идет о вышеупомянутых наплечнике, найденном на городище Царский Дворец Гочевского археологического комплекса, в башне второй половины XIV в. (рис. 18, в)¹³⁷, и наплечниках из золотоордынского погребения у с. Озерное на Херсонщине¹³⁸.

¹³¹ Пользуясь случаем, авторы хотели бы поблагодарить к. и. н. Н. А. Плавинского (Национальный исторический музей Республики Беларусь) за предоставленную информацию.

¹³² Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. – С. 130.

¹³³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. – С. 20.

¹³⁴ Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Археология СССР. Т. 15: Древняя Русь. Город. Замок. – М., 1985. – С. 317.

¹³⁵ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361. Vol. II... Pl. 2-9.

¹³⁶ Ibid. Vol. I... P. 112. Fig.102, 2.

¹³⁷ Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В. Предметы вооружения, воинского снаряжения и конской упряжи из раскопок городища «Царский Дворец». – С. 153.

¹³⁸ Гаврилов А. В. Отчет о раскопках курганов у с. Озерное Скадовского района Херсонской области в 1992 году. – С. 45-46, 48, 50-51; рис. 15,16 – 16,16.

У гочевского наплечника, так же как и у новгородского, с боковых сторон сохранились расположенные в один ряд отверстия, всего их 16, по 8 с каждой стороны. Озерновские наплечники по периметру полностью были обшиты кожаным рантом¹³⁹. При этом все три находки очень схожи по форме. Это не оставляет сомнений, что новгородская находка является наплечником. Здесь стоит сделать небольшое отступление. Дело в том, что во Флорентийском Баптистерии (итал. *Battistero di San Giovanni*), на мозаике византийской работы в сцене «Сказал фараон Иосифу: “Будешь над домом моим”» у стражника, приведшего Иосифа, показаны поножи, которые имеют подтреугольные сабоны, обшитые по периметру кожаным рантом (рис. 12, б). Эти сабоны очень похожи на новгородскую находку, что может подвергнуть сомнению ее интерпретацию. При этом мозаика датируется, как и новгородская находка, рубежом XIII-XIV вв. Также следует отметить, что асимметрия одной стороны характерна для ранних сабонон¹⁴⁰. Но форма новгородской пластины четко указывает на то, что перед нами наплечник.

Среди новгородского материала есть еще две находки, которые предварительно могут быть отнесены к защите конечности. Первая – это три фрагмента доспеха, обнаруженные в 1956 г. на Неревском раскопе на границе 14 и 15 ярусов, пласт 20, квадрат 1177Б (ГЭ КП 639-221/РА31-223, Неревский раскоп, 1956 г., яр. 14/15, пл. 20, кв. 1177Б). Все три фрагмента четко собираются в одну большую деталь (рис. 19; 20), которая в общей сложности состоит из пяти узких горизонтально расположенных полос. Нижний край полос разделен на полуovalные фестоны. В двух верхних полосах таких фестонов пять, но, судя по состоянию левой стороны, обе пластины обломаны. Три нижние полосы обломаны на уровне трех фестонов. У самой верхней пластины верхний край отвалиован. Соединяются пластины между собой заклепками, которые изнутри аккуратно расклепаны, диаметр шляпок заклепок – 0,25 см. Заклепки располагаются по центру второго и последнего справа «столбцов» фестонов. На одной пластине, в каждом «столбце», кроме верхней пластины, по две заклепки. Первая заклепка соединяет пластину с предыдущей, а нижняя с последующими пластинами. В верхней пластине, соответственно, только одна заклепка в «столбце», которая ее соединяет с последующей пластиной. Таким образом, получается достаточно жесткая конструкция. На третьем и четвертом справа «столбцах» фестонов головки заклепок имитированы кернением, и создается впечатление, что заклепки проходят по всем фестонам. Исходя из этого, для общего «завершения» конструкции с левой обломанной стороны не хватает, как минимум, одного «столбца» фестонов. На крайний правый фестон второй пластины сверху выходит сквозное отверстие, которое было сделано пробойником изнутри, причем отверстие пробито не только через низ второй, но и верх третьей пластин. Возможно, оно служило для продевания шнуря или ремешка, которыми доспех крепился на конечности. В сечении фрагмент выглядит ду-

¹³⁹ Гаврилов А. В. Указ. соч. – С. 11.

¹⁴⁰ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361. Vol. I... P. 114; 120-122. Fig. 106; 111-112; 115.

гообразно. Общий размер сохранившегося фрагмента: максимальная высота – 5,5 см, ширина по дуге – 15,9 см, толщина – в пределах 0,04 – 0,06 см, вес – 35 г. Если исходить из того, что слева у пластин обломано по одному фестону, то общая ширина конструкции, при среднем размере фестона чуть более 3 см, должна равняться около 19-20 см.

Есть два предположения относительно того, частью какой защиты является найденный фрагмент. Первое: исходя из жесткой конструкции и достаточно широкого обхвата, с большой долей вероятности можно предположить, что данная находка является фрагментом поножа или наголенника. Так, ширина поножей из золотоордынского погребения у ст. Дмитриевская (рис. 21, б), одной из двух находок, известных на сегодня в Восточной Европе, равна 18 см¹⁴¹, что весьма близко новгородскому экземпляру. Правда, стоит заметить, что у наголенников из Царского дворца в г. Тырново (рис. 21, а) ширина составляет всего 12,5 см¹⁴². Второе предположение: описанный фрагмент является частью защиты плеча, тем, что в древнерусском доспехе называлось «зарукавье»¹⁴³. В пользу этого свидетельствуют две миниатюры из «Зафар-наме» Шараф ал-Дина Йазди списка библиотеки Бостонского музея. На них у двух воинов показаны бронированные рукава, собранные из таких фигурно оформленных пластин (рис. 22, а-б). Данный список четко датируется 1495 г.¹⁴⁴ В свою очередь, новгородская находка относится к более раннему времени, поскольку постройка 14 яруса датируется 1224 г., а 15 яруса – 1238 г. Но на миниатюрах из «Зафар-наме» бронированные рукава из фигурно оформленных пластин показаны в комплекте с такими же фигурно оформленными наплечниками. Мы не случайно обратили внимание на эту деталь: дело в том, что среди древнерусского археологического материала исследователи не раз отмечали находки фигурно оформленных деталей «рукавов» и наплечников. Так, Э. М. Загорульский опубликовал две фигурно оформленные пластины: из Минска, начала XIII в.¹⁴⁵, и Вищенского городища, середины XIII в.¹⁴⁶, происходящих, по его мнению, от «рукавов». Н. А. Плавинский в одной из своих работ приводит фигурно оформленный наплечник, происходящий из раскопок Старого Замка в Гродно, XIII-XIV вв.¹⁴⁷ Фигурно оформленный наплечник XII-XIII вв., найден-

¹⁴¹ Зеленский Ю. В. Поножи из половецкого погребения в степном Прикубанье // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. – М., 2008. – С. 116.

¹⁴² Николова Я. Домашний бит и въоръжението в двореца на Царевец според археологическият материал. – С. 301-302. Обр. 112.

¹⁴³ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войскъ, с рисунками, составленное по Высочайшему повелѣнію. – С. 50-51, рис. 38.

¹⁴⁴ Gorelik, M. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour. – London, 1979. – S. 62-63. Figs. 206-207.

¹⁴⁵ Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Табл. XI.

¹⁴⁶ Загорульский Э. М. Вишинский замок XII-XIII вв. – С. 120, рис. 64, 2.

¹⁴⁷ Плавинскі М. А. Засцерагальнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі. – С. 145. Мал. 6, 12.

ный на Бородинском городище, опубликовал В. В. Седов¹⁴⁸. Еще один фигурно оформленный наплечник был найден В. И. Кошманом при раскопках городища Свислочь¹⁴⁹. Известны находки таких фигурно оформленных наплечников и на сопредельных территориях. Один фигурно оформленный наплечник, происходящий из братских могил на поле битвы при Висбю 1361 г., в своей работе приводит шведский исследователь Б. Тордеман (*Bengt Thordeman*)¹⁵⁰. О нескольких фигурно оформленных пластинах «от наплечников», обнаруженных на городище Бубяй в Литве (XI–XIV вв.), сообщает К. Габрюнайте¹⁵¹.

В целом, по мнению белорусского исследователя Н. А. Плавинского, фигурно оформленные наплечники вполне типичны для запада Древней Руси, где они появляются на рубеже XII–XIII вв. и бытуют вплоть до начала XIV в.¹⁵² Поэтому нельзя полностью исключать версии и в пользу принадлежности этого фрагмента к защите плеча.

Вторая находка – это пластина, обнаруженная на Неревском раскопе, пласт 12, квадрат 1499, № 9 (рис. 19, в; 23) (НГОМЗ КП 35338-1388, Н-1957, Неревский р-п, 12-1499 № 9). Пластина представляет собой узкую металлическую полосу, слегка изогнутую в сечении, размерами 18,2 × 4,3 см. С правой стороны, на расстоянии 1,2 см от края, и в середине пластины, строго по центру, расположено по одной заклепке, которые расклепаны изнутри. Возможно, была и третья заклепка, которая располагалась с левого края. А. Ф. Медведев в работе, посвященной пластинчатым доспехам Руси, с левого края зафиксировал разрушенное монтажное отверстие, в которое такая заклепка могла вставляться¹⁵³. К сожалению, с левой стороны пластина имеет утраты, и однозначного ответа о наличии еще одной заклепки нет.

Находка датируется серединой – второй половиной XIV в. Есть несколько предположений относительного того, частью какого элемента защиты конечностей могла являться эта пластина.

Во-первых, пластина могла входить в состав оплечий. Так, в тайнике на горе Ийи-Кулак в Пий-Хемском районе Тувы в составе одного из доспехов были найдены очень похожие пластины¹⁵⁴. Они представляют собой узкие металлические полосы такой же формы, как и вышеописанная находка, размером 15 × 2 см. По их верхнему краю, в центре и с обоих концов расположено по заклепке.

¹⁴⁸ Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. – С. 109, рис. 54, 8.

¹⁴⁹ Кошман В., Плавінскі М. Прадметы ўзбраення з гарадзішча Свіслач (па матэрыялах раскопак 2000, 2005-2007 гадоў): да пытання аб мангольскіх нападках на тэрыторыю Беларусі ў сярэдзіне XIII ст. – С. 103. Мал. 3, 4; Плавинский Н. А., Кошман В. И. Предметы вооружения середины XIII в. из раскопок городища Свислочь. – С. 144, рис. 3, 4.

¹⁵⁰ Thordeman, B. Armour from the battle of Wisby 1361. Vol. I. P. 112. Fig. 102, 3.

¹⁵¹ Габрюнайте К. Локальные подражания раннесредневековых шлемов русского типа в Литве. – С. 127, рис. 8.

¹⁵² Плавінскі М. А. Засцерагальнае ўзбраенне IX–XIII ст. на тэрыторыі Беларусі. – С. 146-147.

¹⁵³ Медведев А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси. – С. 130, рис. 4, 3.

¹⁵⁴ Монгуш В. Т., Грач А. Д. Обследование тайника в Пий-Хемском районе Тувы // Археологические открытия 1976 г. – М., 1977. – С. 227.

По мнению М. В. Горелика, из этих пластин были набраны оплечья, они состояли из 18-19 пластин каждое и доходили длиной до локтя (рис. 22, в)¹⁵⁵. В целом, доспех относится к монгольской паноплии и датируется второй половиной – концом XIII в.¹⁵⁶

На первый взгляд, при общей схожести находок обращают на себя внимание разное расположение заклепок и более крупные размеры у новгородской пластины. Поэтому говорить уверенно, что пластина с Неревского раскопа относится к оплечьям, имея в виду слабую степень изученности этого типа доспеха, на сегодняшний день не вполне корректно.

Второй вариант – новгородская находка может быть отнесена к наплечникам. Так, в составе клада, который был найден в 1968 г. на Абаканском железном руднике, среди панцирных пластин присутствует одна пластина очень схожей конструкции¹⁵⁷. Она представляет собой бронзовую прямоугольную полосу размерами 13 × 6 см. С левого края и в середине пластины, четко по центру, расположены заклепки, которые раскованы снаружи. По всему периметру и по середине, вдоль, в одну линию, прочеканен точечный орнамент (рис. 22, г).

М. В. Горелик предположил, что изначально в состав доспеха входило две таких пластины, они выполняли функцию наплечников и крепились поверх основы, поперек плеча, украшая доспех¹⁵⁸. Здесь стоит заметить, что исследователь допустил ошибку, заклепки раскованы снаружи, а это указывает на то, что пластина крепилась под основу. Между тем, в целом его версия вполне рабочая. Так, в средневековом кочевническом погребении, обнаруженному И. В. Синициным в семи километрах от с. Джангала, в местности Бек-Бике (Северо-Западный Казахстан), в состав доспеха входили наплечники, которые были набраны из подобных пластин. Каждый наплечник формировали три пластины схожей конфигурации, размерами 12 × 7 см¹⁵⁹.

По мнению Я. И. Сунчугашева и М. В. Горелика, клад датируется XIII-XIV вв.¹⁶⁰ Но тот факт, что пластины панцирного набора в составе клада являются вторично

¹⁵⁵ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв. – С. 251, 253-254. Табл. IV, е; Табл. V, 3; Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб, 2008. – С. 483, рис. 201, 6-7.

¹⁵⁶ Матвеев А. С. Комплекс монгольских доспехов XIII в. из Тувы (общая характеристика) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. – СПб, 1998. – С. 236.

¹⁵⁷ Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии: Эпоха железа. – С. 134.

¹⁵⁸ Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV вв. – С. 184.

¹⁵⁹ Синицин И. В. Археологические памятники по реке Малый Узень (Самарская область и Западный Казахстан) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. Вып. XXXII. – М., 1950. – С. 111; Коровкин Д. С. Комплекс вооружения из погребения кочевника, обнаруженного на восточном берегу озера Сарайдин, в местности Бек-Бике // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки. № 1. – СПб, 2003. – С. 52-53.

¹⁶⁰ Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии: Эпоха железа. – С. 133-134; Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – 1 половина XVI вв.). – С. 257.

использованными, на что указывают заклепки, которые местами расположены поверх нашивных отверстий¹⁶¹, позволяет датировать доспех не ранее XIV в.

Как и в первом случае, при внешнем сходстве, опять же, присутствуют существенные различия. Во-первых, обращает на себя внимание материал, из которого изготовлена абаканская находка. Во-вторых, ее пропорции: при меньшей длине, по сравнению с новгородской пластиной, она более широка. И, в-третьих, абаканская пластина располагалась под основой, а новгородская – поверх нее, на что указывает характер расположения замыкающих головок у заклепок.

И третий вариант – новгородская находка могла входить в состав набедренника (возможно, крестца или паха. – А.К., Ю.К.). Так, в коллекции Саратовского областного краеведческого музея хранится ламинарный набедренник (по версии автора публикации, не исключено, что защита крестца или паха. – А.К., Ю.К.)¹⁶². Набедренник состоит из трех горизонтально расположенных пластин схожей конфигурации, их длина колеблется от 20,5 см до 20,9 см, ширина – от 7,8 см до 8,7 см, общий размер конструкции: 20,9 × 18,5 см (рис. 24)¹⁶³. Но, в отличие от новгородской находки, пластины в «саратовском» набедреннике между собой не скреплялись заклепками, а связывались шнуром. Между тем, набедренники схожей конструкции, в которых пластины крепились при помощи заклепок, хорошо известны в Западной Европе в XV-XVI вв. Но, как и в случае с оплечьями, заклепки на них были смещены либо к нижнему, либо к верхнему краю, в зависимости от направления пластин в конструкции, что опять же является разногласием в конструкции.

Таким образом, на сегодняшний день при недостаточной изученности вопроса установить однозначно, деталью какого элемента защиты конечностей является новгородская пластина, не представляется возможным.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть некоторые важные выводы, сделанные в ходе работы.

Как показало исследование, защита конечностей в древнерусском комплексе вооружения, по-видимому, не уступала аналогичному виду защиты воинов других регионов и шла в ногу со временем. В некоторых случаях, как было показано в настоящей работе, датировка новгородских находок позволяет пересмотреть устоявшиеся представления о времени бытования аналогичных предметов (генезис металлических перчаток с большим количеством маленьких пластин в Европе).

¹⁶¹ Петренко Ю. А., Петренко А. Л. Переоформленные предметы вооружения на Среднем Енисее в позднем Средневековье (по материалам Минусинского и Абаканского музеев) // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья. – Новосибирск, 2003. – С. 62.

¹⁶² Коровкин Д. С. Элементы ламинарной конструкции в защитном снаряжении кочевников восточноевропейских степей в XIII–XV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. – Тула, 2005. – С. 239–240; 242, рис. 2.

¹⁶³ Пользуясь случаем, авторы хотели бы поблагодарить н. с. Санкт-Петербургского государственного университета МВД, к. ю. н. Д. С. Коровкина за предоставленные фотографии.

С большой степенью вероятности можно утверждать, что некоторые категории вооружения могли быть импортными. Это можно наблюдать на примере латных перчаток. Тем не менее пока у нас нет возможности оценить объем импорта вооружения в Новгород, но факт его существования удалось подтвердить вещественно.

По нашим наблюдениям, формирование отечественного средневекового комплекса вооружения шло путем максимально широкого заимствования как самих вещей, так и инноваций. Вопрос о влиянии западноевропейского и восточного типов защитного снаряжения, а шире – и всего комплекса вооружения, на формирование древнерусского является перспективным направлением и должен стать предметом специального комплексного исследования.

В заключение хотелось бы заострить внимание коллег на некоторых наблюдениях, полученных в ходе данного исследования.

Прежде всего, отметим, что до сих пор острой остается проблема атрибуции предметов вооружения и, в частности, защитного доспеха среди археологического материала. В первую очередь это касается деформированных и фрагментированных предметов из черного и цветного металлов, как наиболее проблемных, встречающихся в ходе археологических работ. Очень часто идентификация этих предметов без специальных реставрационно-консервационных работ по очистке от почвенных и коррозионных загрязнений осложнена, а иногда просто невозможна. И, как показывает практика, некоторые предметы так и остаются обезличенными, попадая в музейные коллекции с маркировкой «предмет железный» и т. п. Далеко не последнюю роль в атрибуции предметов играет сравнительно-типологический анализ с привлечением максимально широкого круга аналогий. В связи с этим очень важной является исследовательская работа непосредственно с вещественным материалом. Это касается работы с предметами как во время проведения раскопок, так и после их передачи на музейное хранение. По-видимому, пересмотр музейных собраний позволит выявить еще некоторое количество ранее не опознанных предметов, относящихся к древнерусскому комплексу вооружения (в частности, защитного снаряжения), имеющих существенное значение для оружиеоведческой науки.

Таким образом, настоящей публикацией авторы хотят привлечь внимание оружиеоведов и археологов к недостаточно освещенным в научной литературе предметам из археологических коллекций. Принципиальная возможность существования данных предметов в археологических материалах Древней Руси до сих пор считалась маловероятной. Представленный в настоящей публикации материал позволяет по-новому взглянуть на комплекс вооружения Древней Руси в целом и Новгорода в частности.

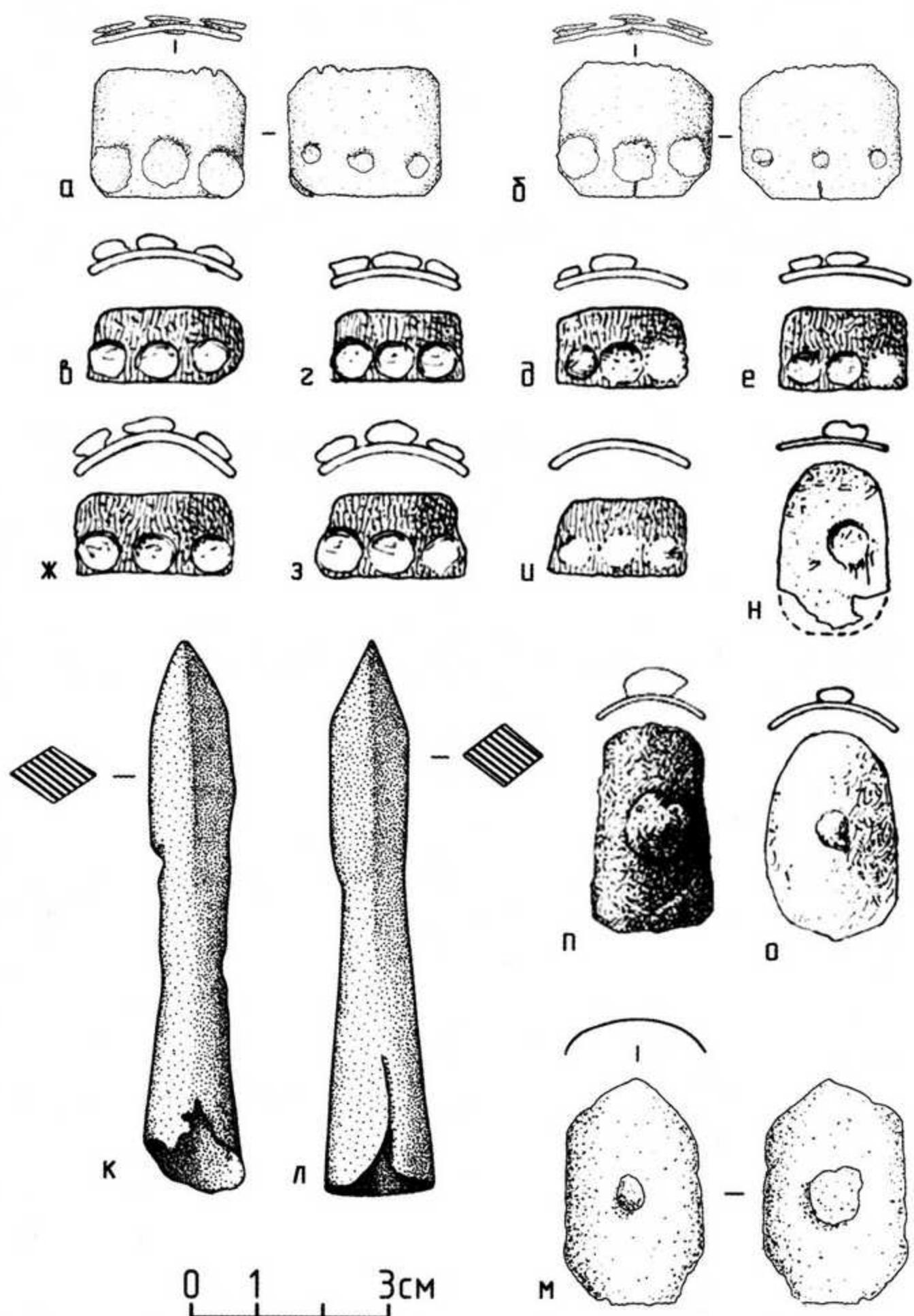

Рис. 1. а, б – Пластины от пальца латной перчатки. Новгород, Кировский (Славенский) раскоп. 1 пол. XIV в. Прорисовка; в, г, д, е, ж, з, и – Пластины от пальцев латной перчатки № 2. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); к, л – Наконечники арбалетных стрел. Новгород, Кировский (Славенский) раскоп. 1 пол. XIV в. Прорисовка; м – Пластина от пальца латной перчатки. Новгород, Никитинский раскоп. сер. XIV – сер. XV вв. Прорисовка; н, о – Пластины от пальцев латной перчатки № 1. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); п – Пластина от пальца латной перчатки № 3. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939)

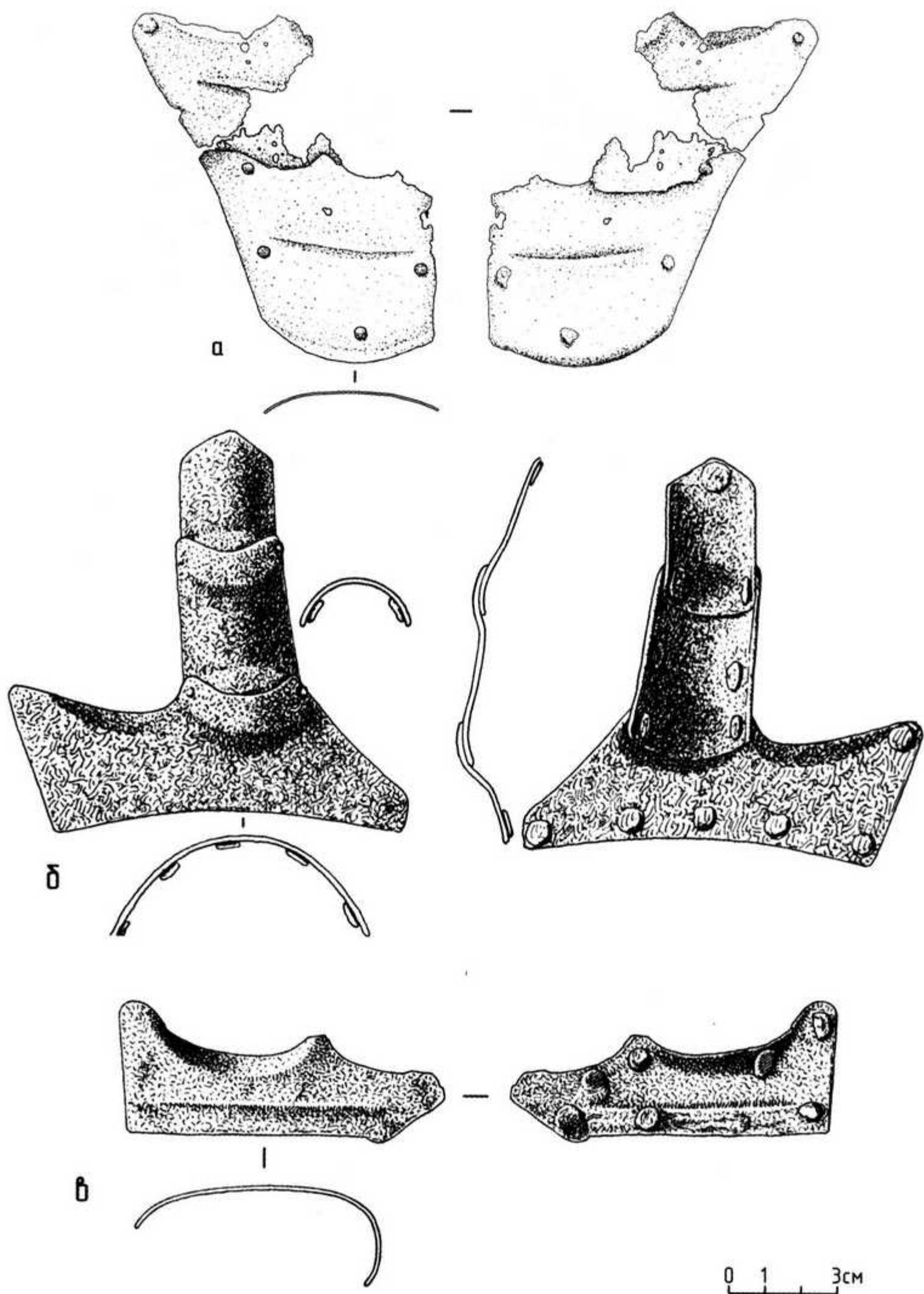

Рис. 2. *a* – Пластины латной перчатки, защищающие основание большого пальца. Новгород, Неревский раскоп. 1 пол. – сер. XIV в. Прорисовка; *б* – Пластина латной перчатки № 3, защищающая основание большого пальца. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); *в* – Пластина латной перчатки № 4, защищающая основание большого пальца. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939)

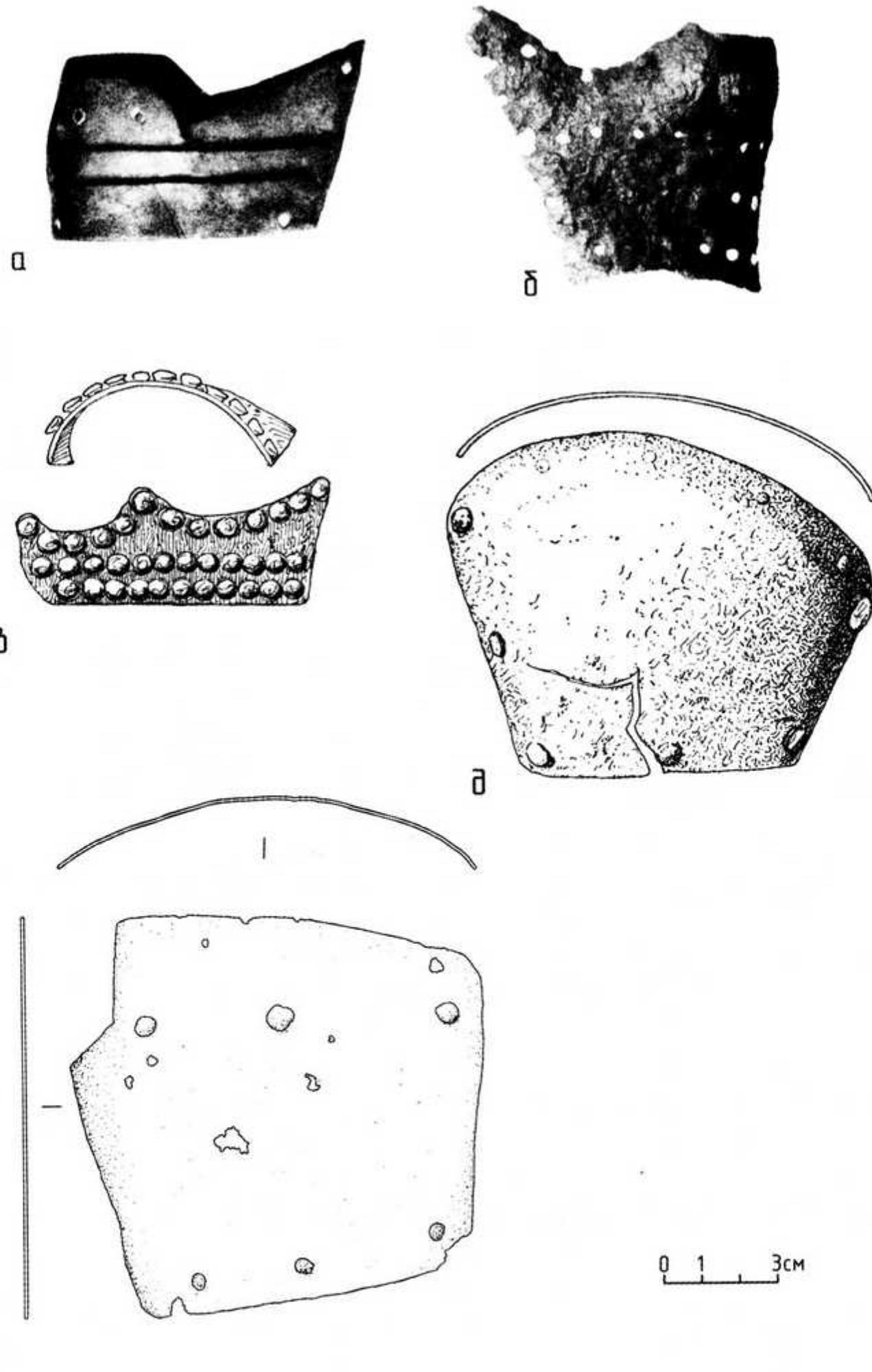

Рис. 3. а – Пластина латной перчатки, защищающая основание большого пальца. Замок Кюсснах. Фото (по: Thordeman, 1939, Fig. 211); б – Пластина латной перчатки, защищающая основание большого пальца. Замок Борингхольм. Фото (по: Thordeman, 1939); в – Пластина латной перчатки № 2, защищающая основание большого пальца. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); г – Пястная пластина латной перчатки. Новгород, Неревский раскоп. Прорисовка; д – Пястная пластина латной перчатки № 1. Висбю. 1 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939)

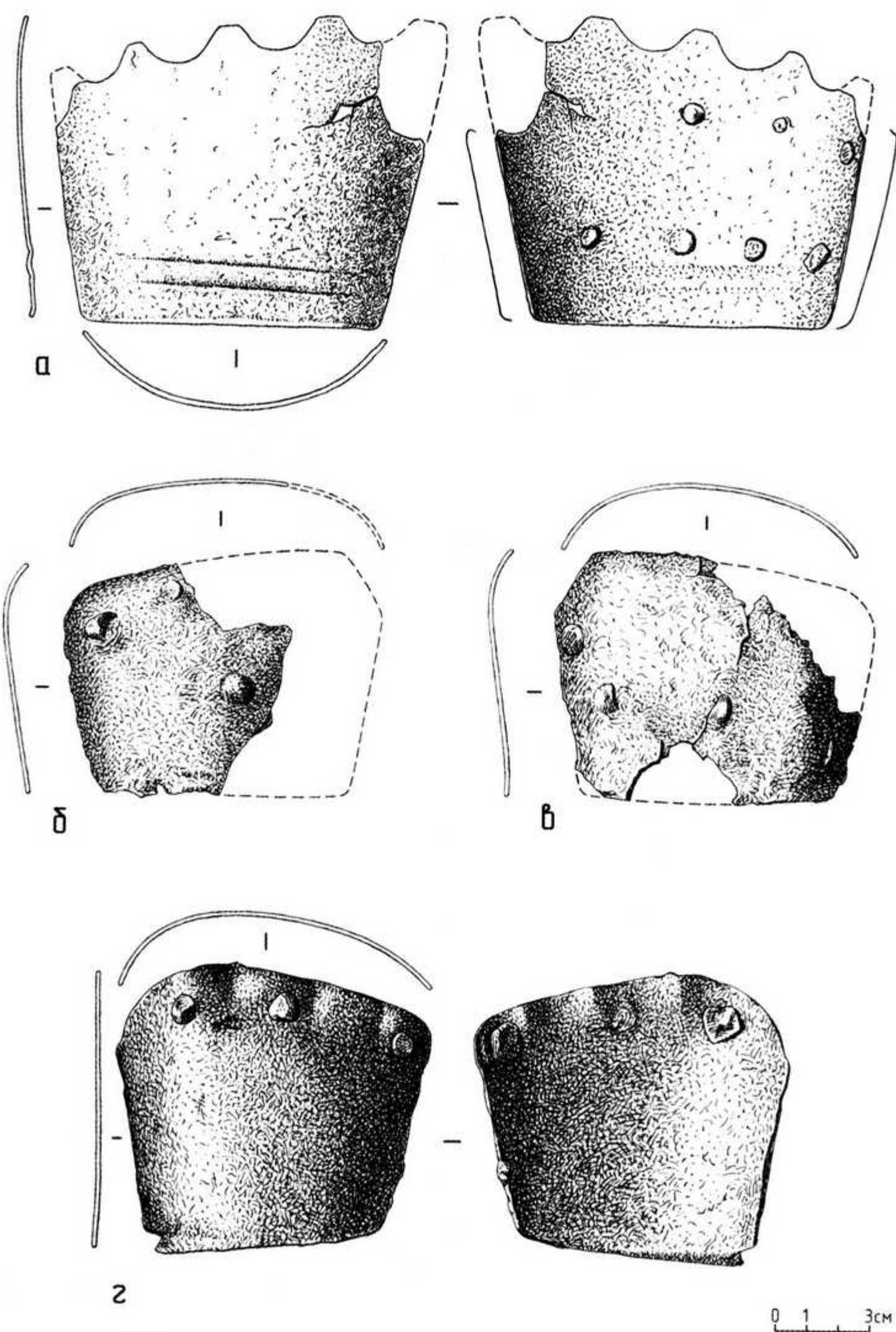

Рис. 4. а – Пястная пластина латной перчатки № 5. Висбю. 1 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); б, в – Пястные пластины латных перчаток № 6. Висбю. 1 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); г – Пястная пластина латной перчатки № 7. Висбю. 1 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939)

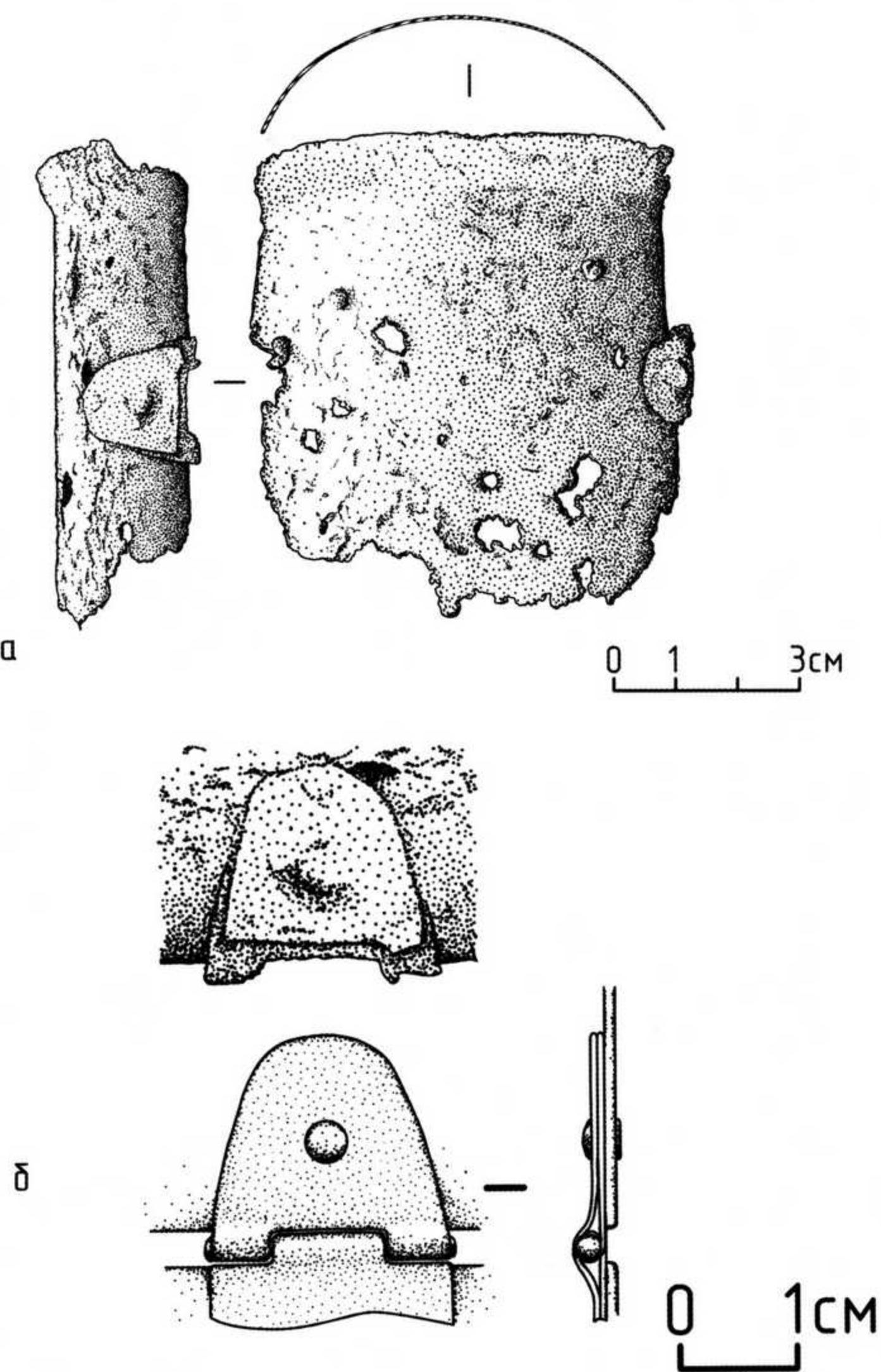

Рис. 7. Фрагмент внешней створки наруч. Новгород, Неревский раскоп, 1959 г.
2 пол. XIV в. а – Общий вид. Прорисовка; б – Петля наруч.
 Вариант графической реконструкции

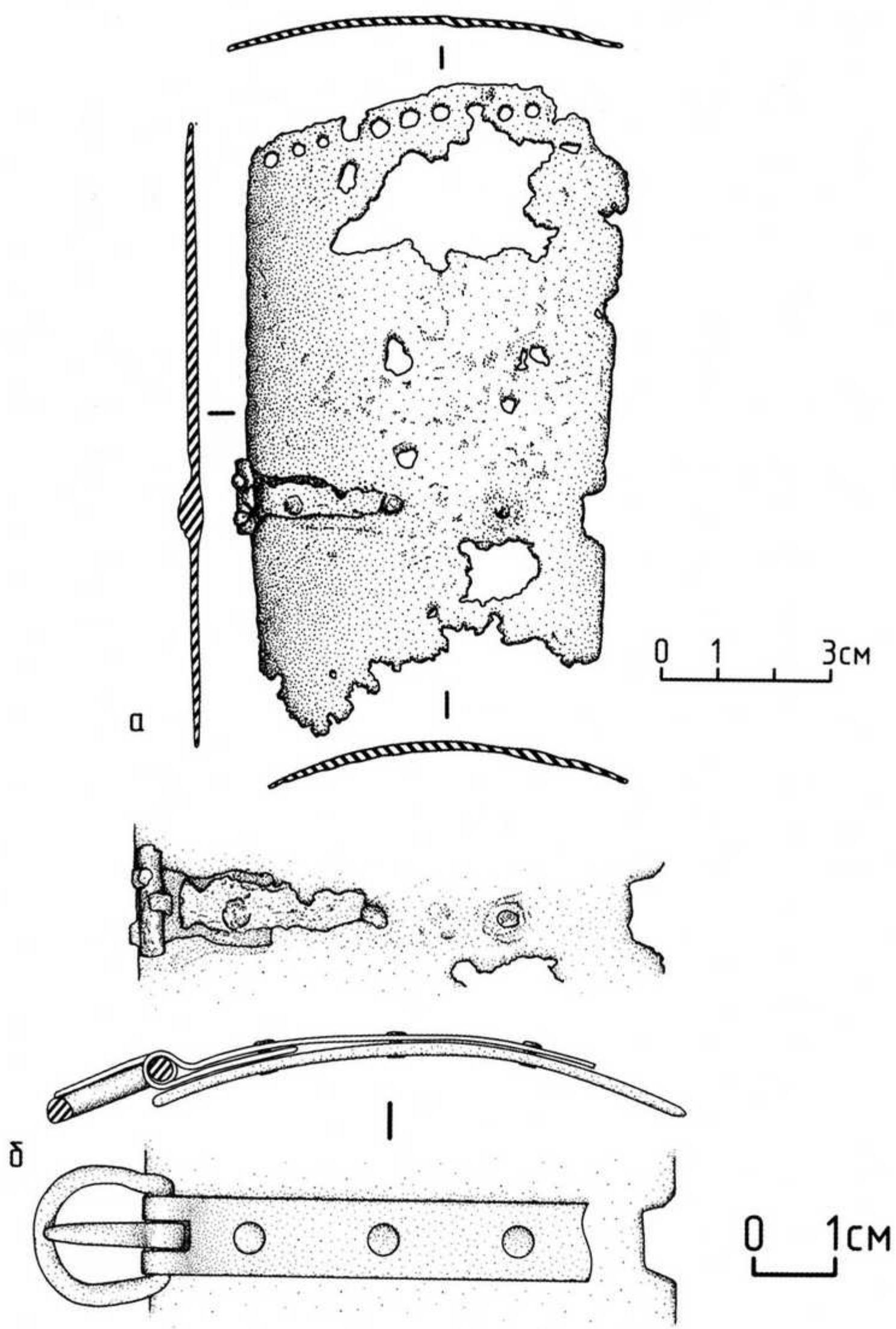

Рис. 9. Внутренняя створка наруча. Новгород, Неревский раскоп, 1 пол. XIII в. (?): а – Общий вид. Прорисовка; б – Пряжка наруча.
Вариант графической реконструкции

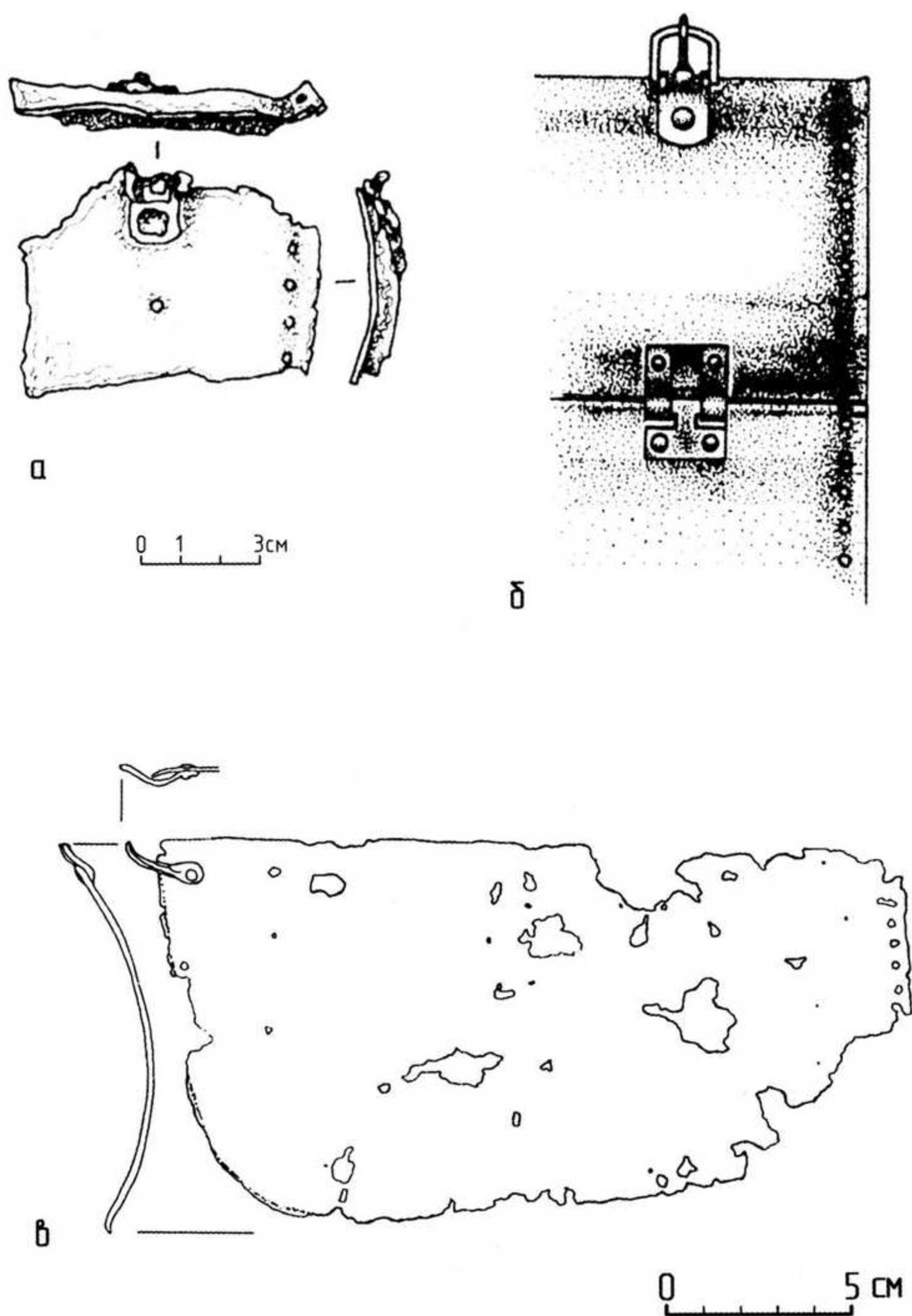

Рис. 15. а – Обломок створки наруч. Гомель, Оружейная мастерская. Сер. XIII в. Прорисовка (по: Макушников, Лупиненко 2004); б – Реконструкция нижней торцевой части наруч. Гомель, Оружейная мастерская. Сер. XIII в. Прорисовка (по: Макушников, Лупиненко 2004); в – Внутренняя створка наруч. Червен. Сер. XIII в. Прорисовка (по: Struž, 2006)

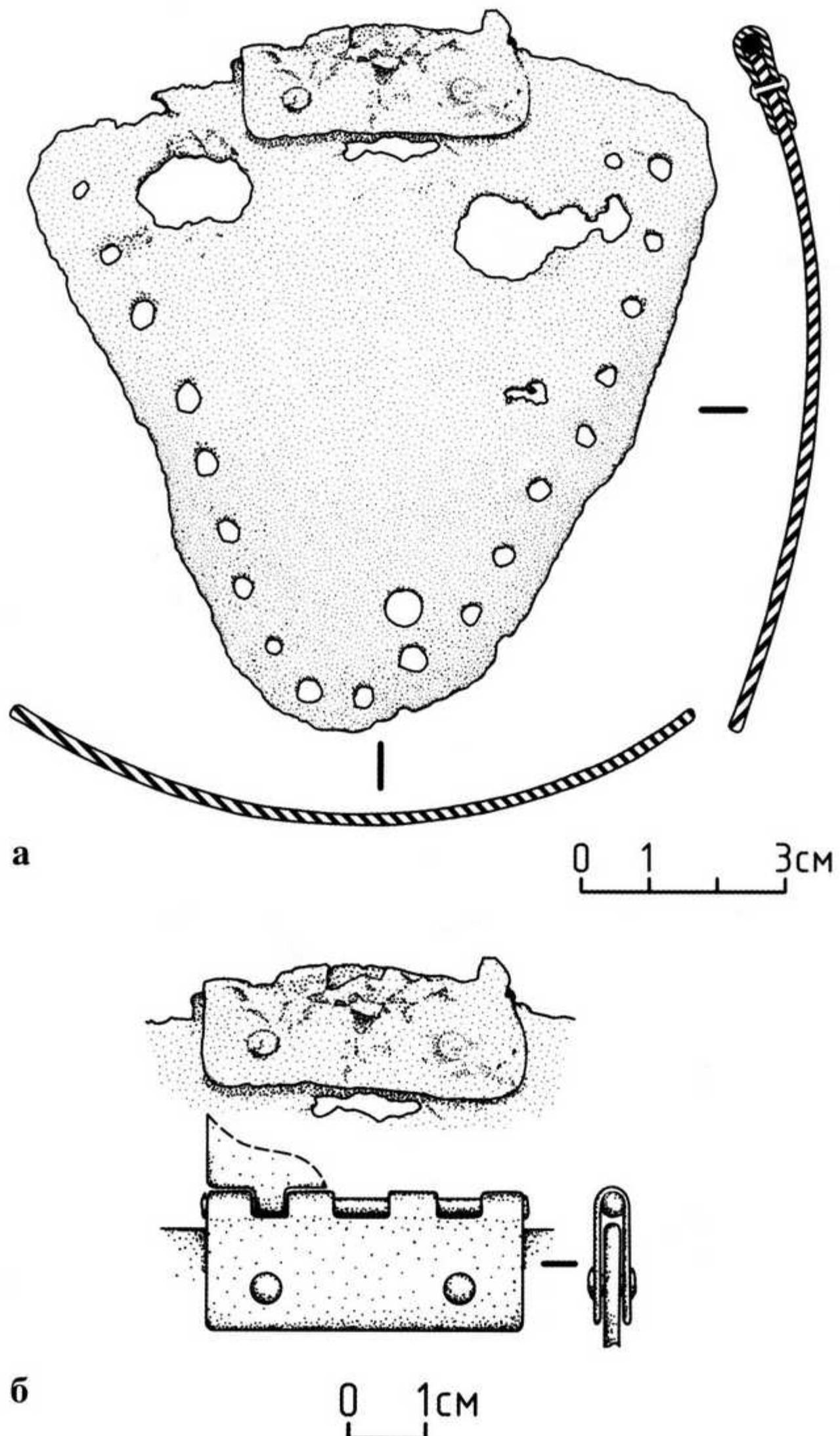

Рис. 16. Наплечник. Новгород, Неревский раскоп. Рубеж XIII-XIV в.:
а – Общий вид. Прорисовка; б – Петля наплечника.
Вариант графической реконструкции

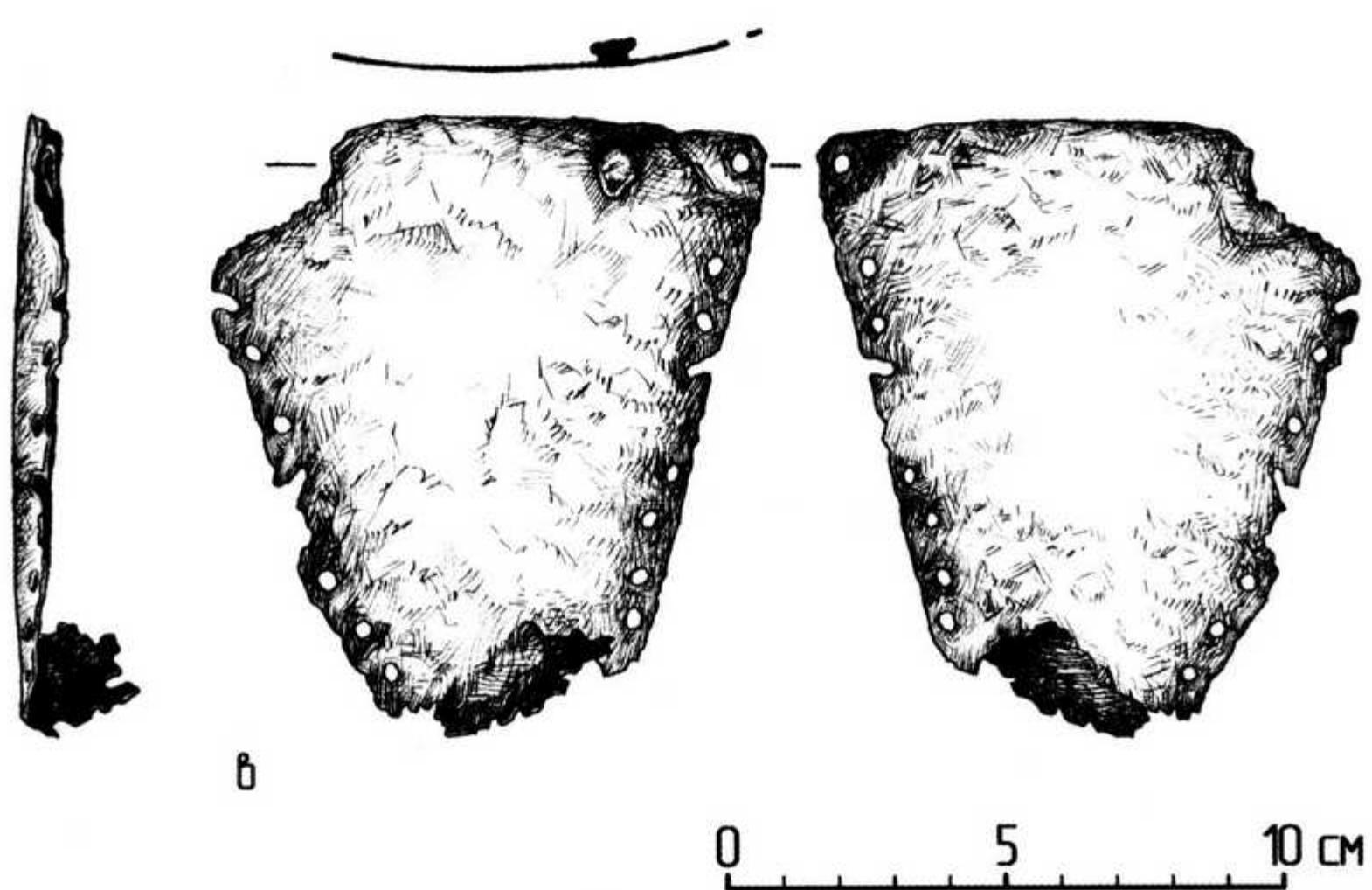
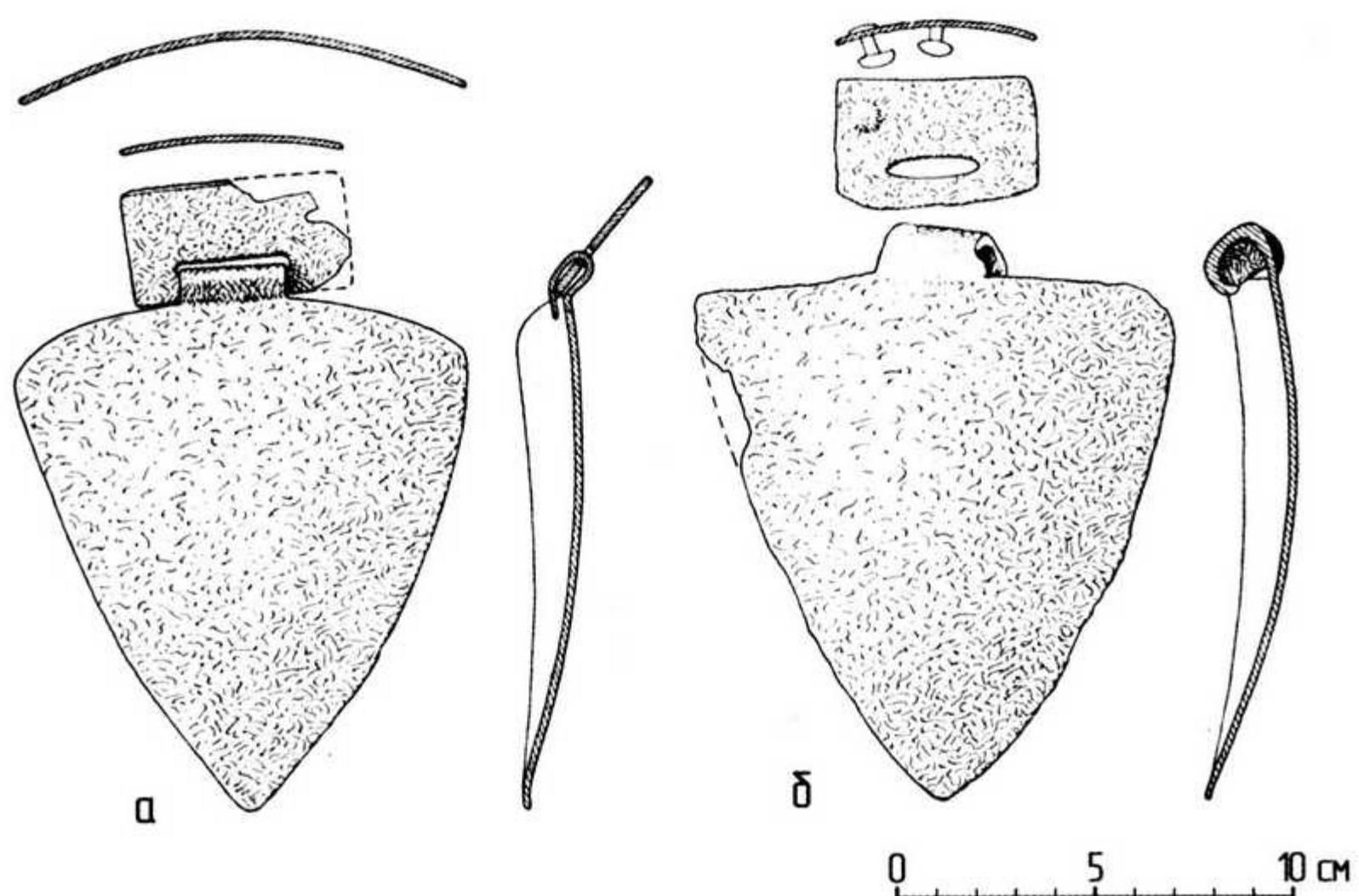

Рис. 18. а, б – Наплечники от доспеха № 1. Висбю. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Thordeman, 1939); в – Наплечник с городища Царский Дворец. Гочево, Курская обл. 2 пол. XIV в. Прорисовка (по: Стародубцев, Зорин 2008)

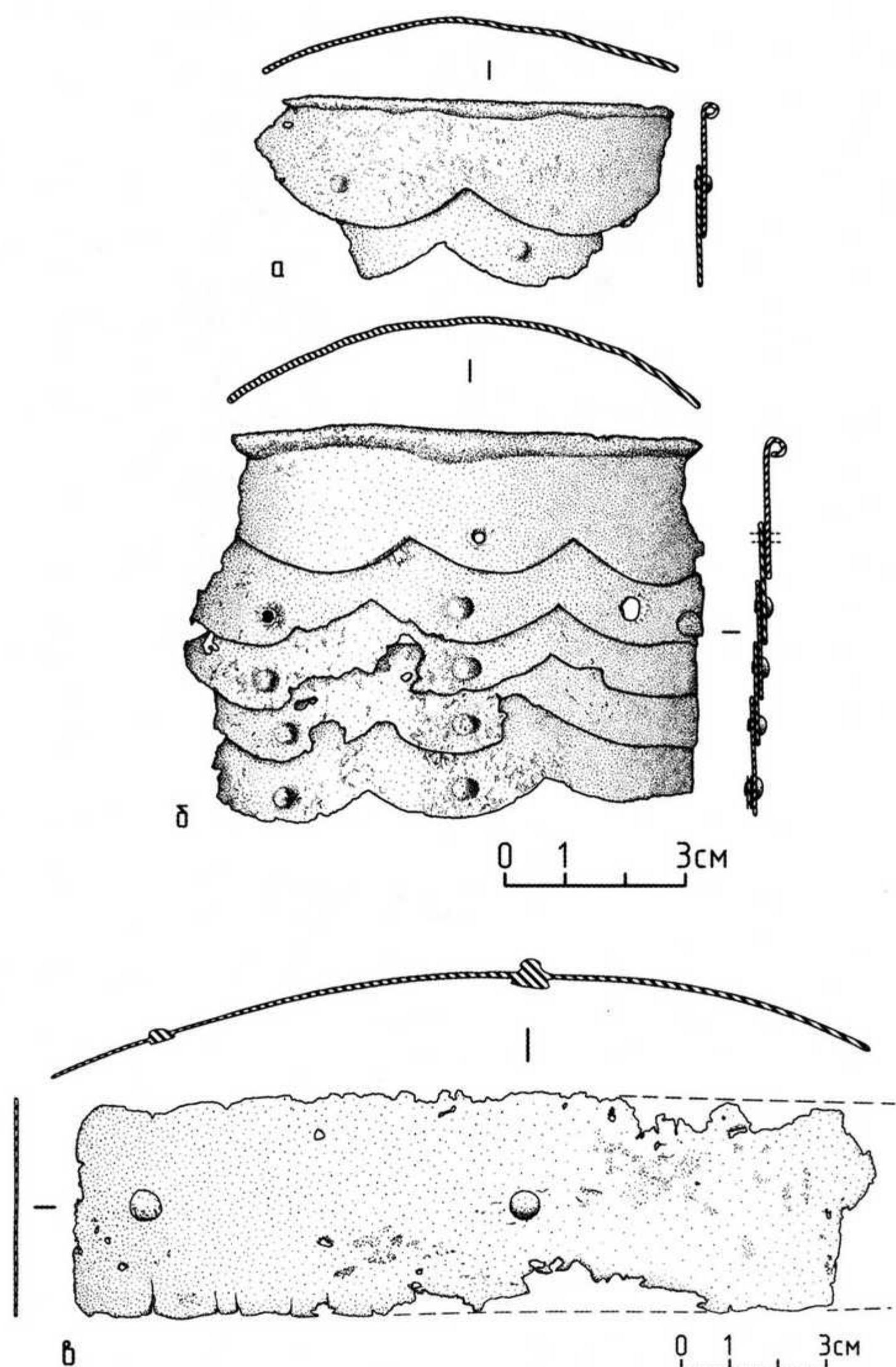

Рис. 19. а, б – Защита конечностей. Новгород, Неревский раскоп. 1224–1238 гг.
Прорисовка; в – Пластина. Новгород, Неревский раскоп. Сер. – 2-я пол. XIV в. Прорисовка

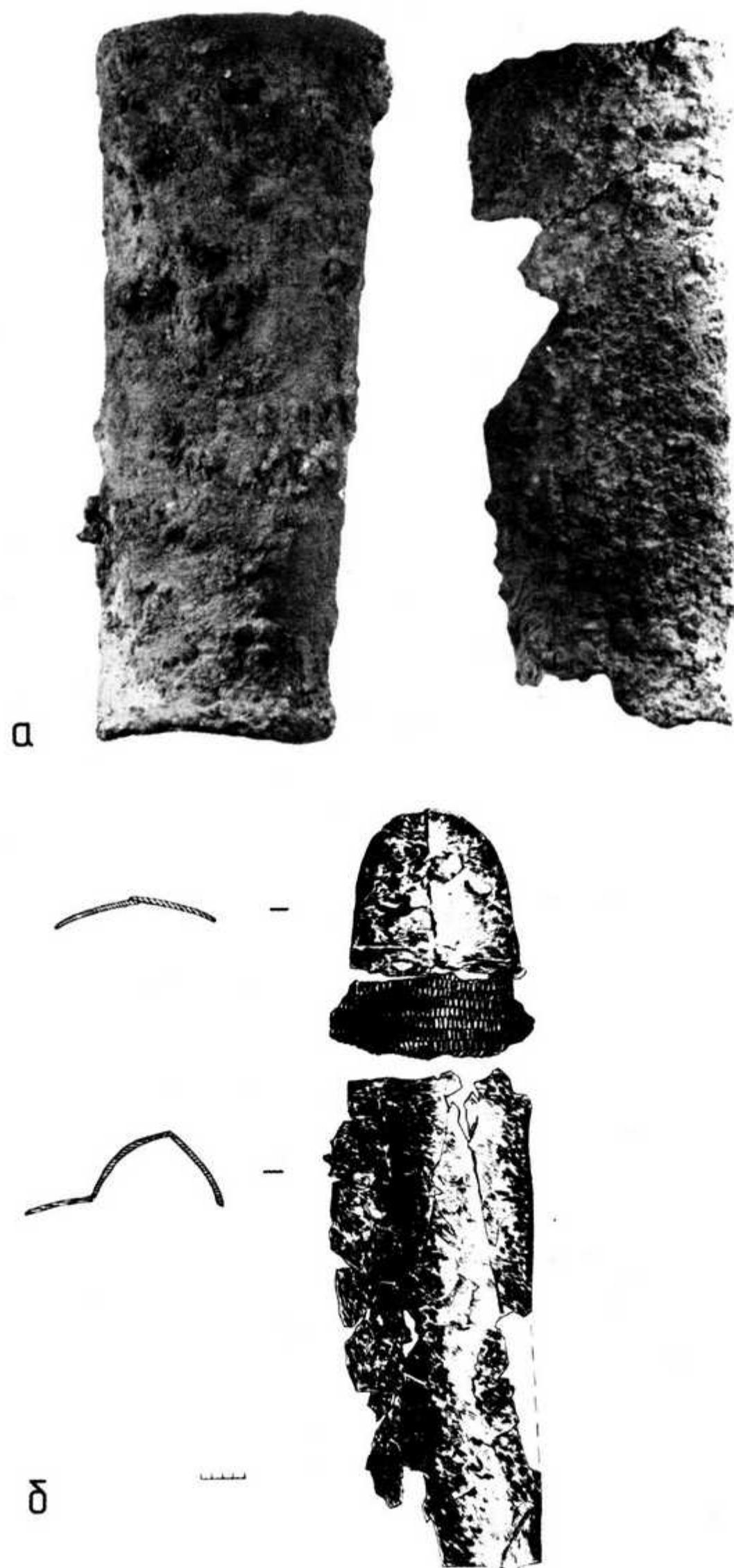

Рис. 21. *а* – Наголенники. Тырново, Царский дворец. 2 пол. XIV в. Фото. (по: Николова, 1974); *б* – Прикубанье, золотоордынское погребение у ст. Дмитриевская. Прорисовка (по: Зеленский, 2008)

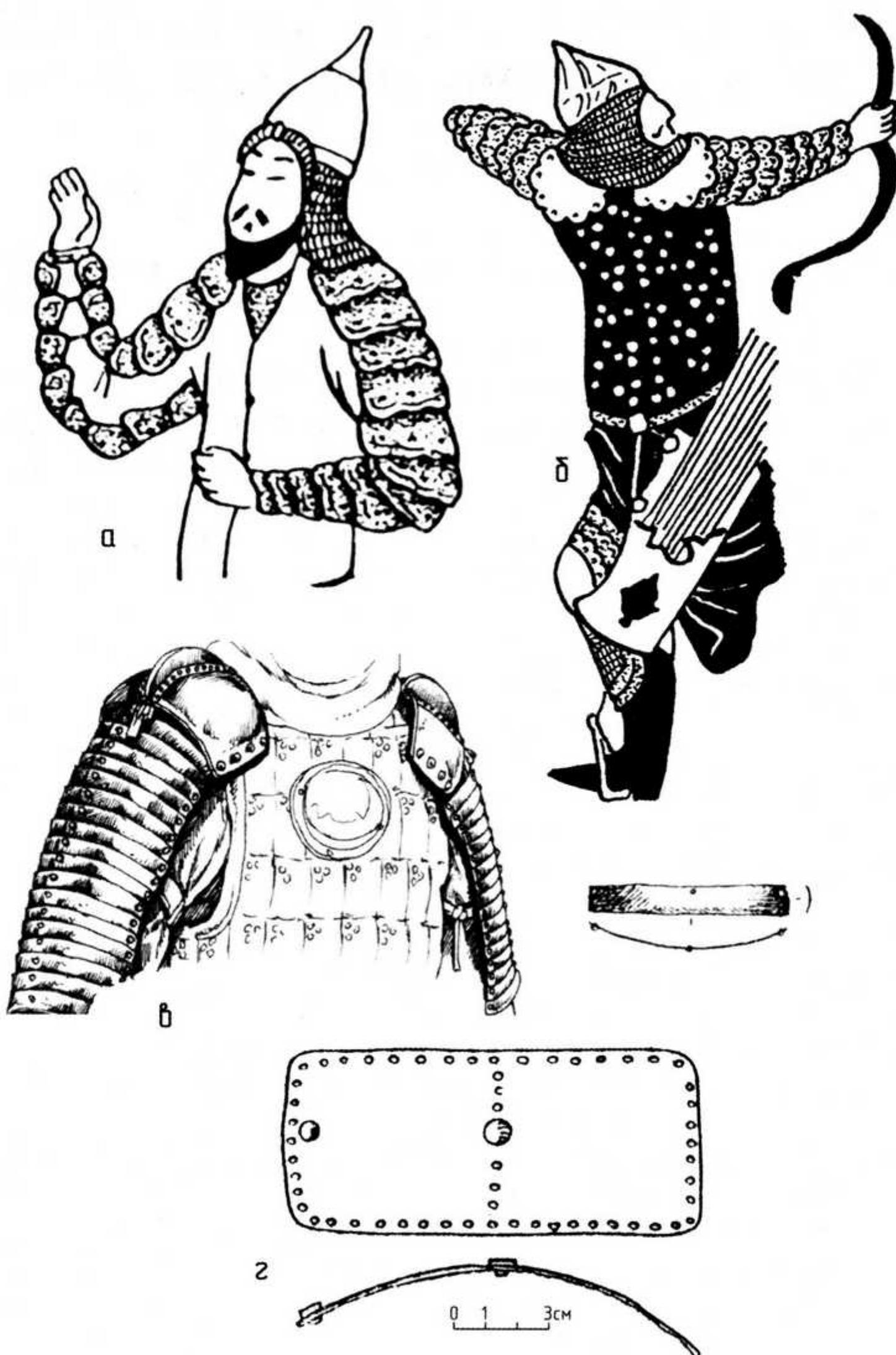

Рис. 22. а, б – Бронированные рукава на миниатюрах «Зафар-наме» Шараф ал-Дина Йазди. Герат. 1495 г. Прорисовка (по: Gorelik, 1979); в – Оплечья. Тайник на горе Иий-Кулак. 2 пол. – сер. XIII в. Прорисовка (по: Бобров, Худяков 2008); г – Наплечник (?). Абаканский железный рудник. Рубеж XIII–XIV вв. Прорисовка (по: Сунчугашев, 1979).

К статье А. Н. Каменского, Ю. А. Кулешова

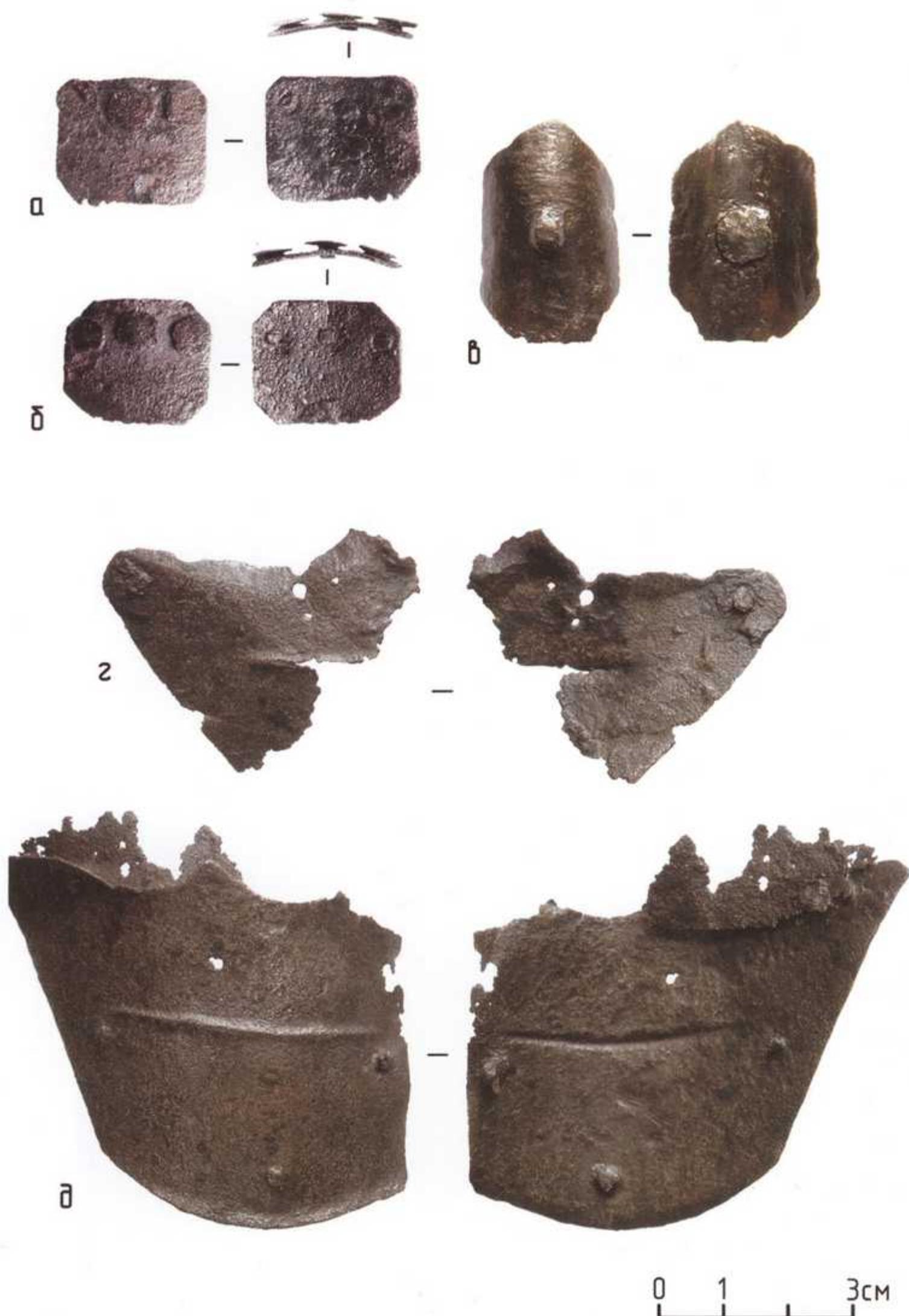

Рис. 5. а – Пластина от пальца латной перчатки. Новгород. 1 пол. XIV в. Фото; б – Пластина от пальца латной перчатки. Новгород. 1 пол. XIV в. Фото; в – Пластина от пальца латной перчатки. Новгород, Никитинский раскоп. Сер. XIV – сер. XV вв.; г, д – Пластины латной перчатки, защищающие основание большого пальца. Новгород, Неревский раскоп. 1 пол. – сер. XIV в. Фото

К статье А. Н. Каменского, Ю. А. Кулешова

Рис. 6. Пястная пластина латной перчатки. Новгород, Неревский раскоп. Фото

Рис. 8. Фрагмент внешней створки наручки. Новгород, Неревский раскоп, 1959 г.
2 пол. XIV в. Фото

К статье А. Н. Каменского, Ю. А. Кулешова

Рис. 10. Внутренняя створка наруча. Новгород, Неревский раскоп.
1 пол. XIII в. (?). Фото

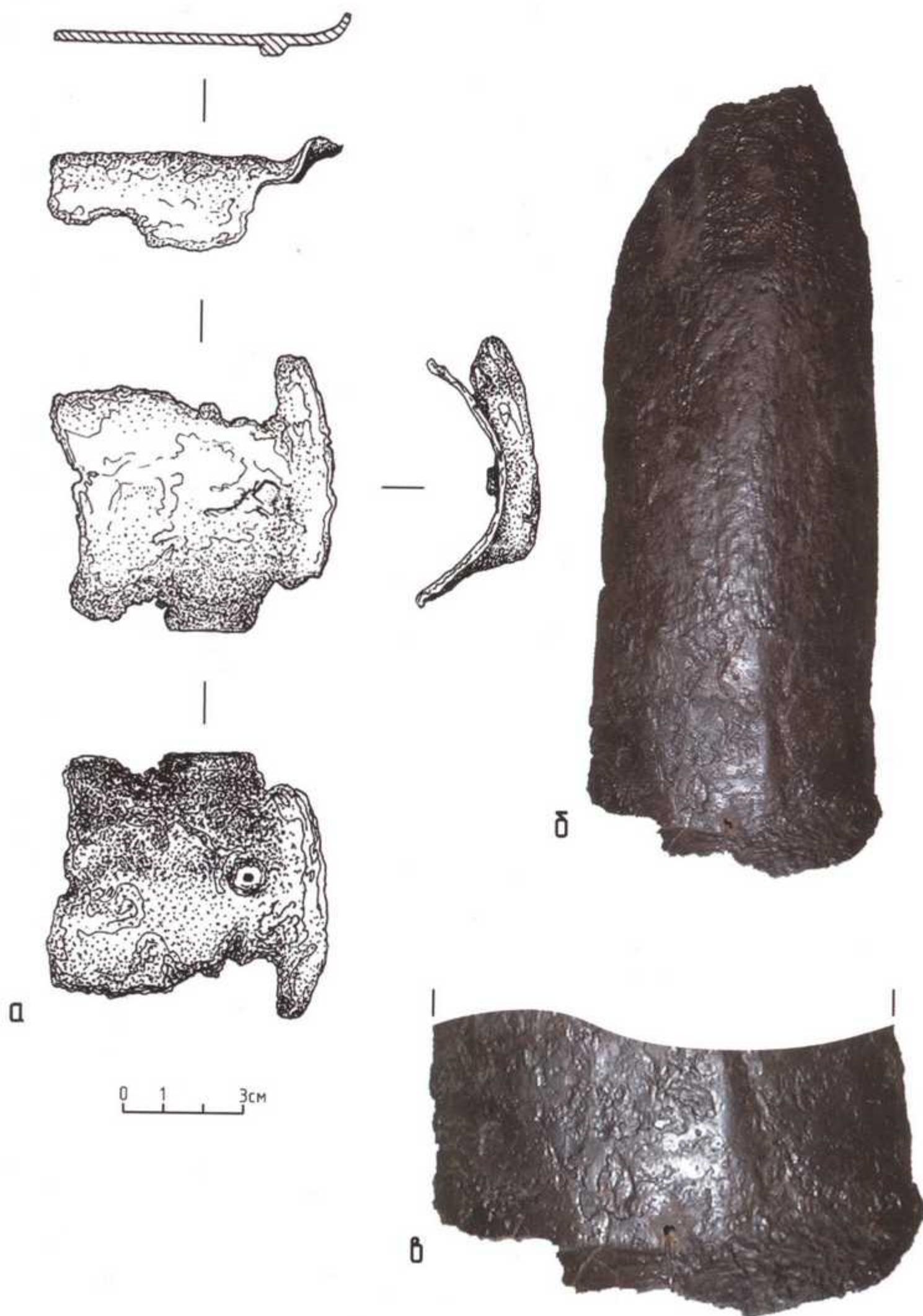

Рис. 11. а – Фрагмент внешней створки наруч. Гомель, Окольный город. Прорисовка (по: Макушников, 2009); б, в – Внешняя створка наруч. Тырново, Царский дворец. 2 пол. XIV в. Фото

К статье А. Н. Каменского, Ю. А. Кулешова

а

б

Рис. 12. а – Надгробие немецкого рыцаря Конрада Заинсхайма (нем. Konrad Seinsheim). Умер в 1369 г. Фото; б – «Стражник». Флорентийский Баптистерий (итал. Battistero di San Giovanni). Рубеж XIII–XIV в. Фото

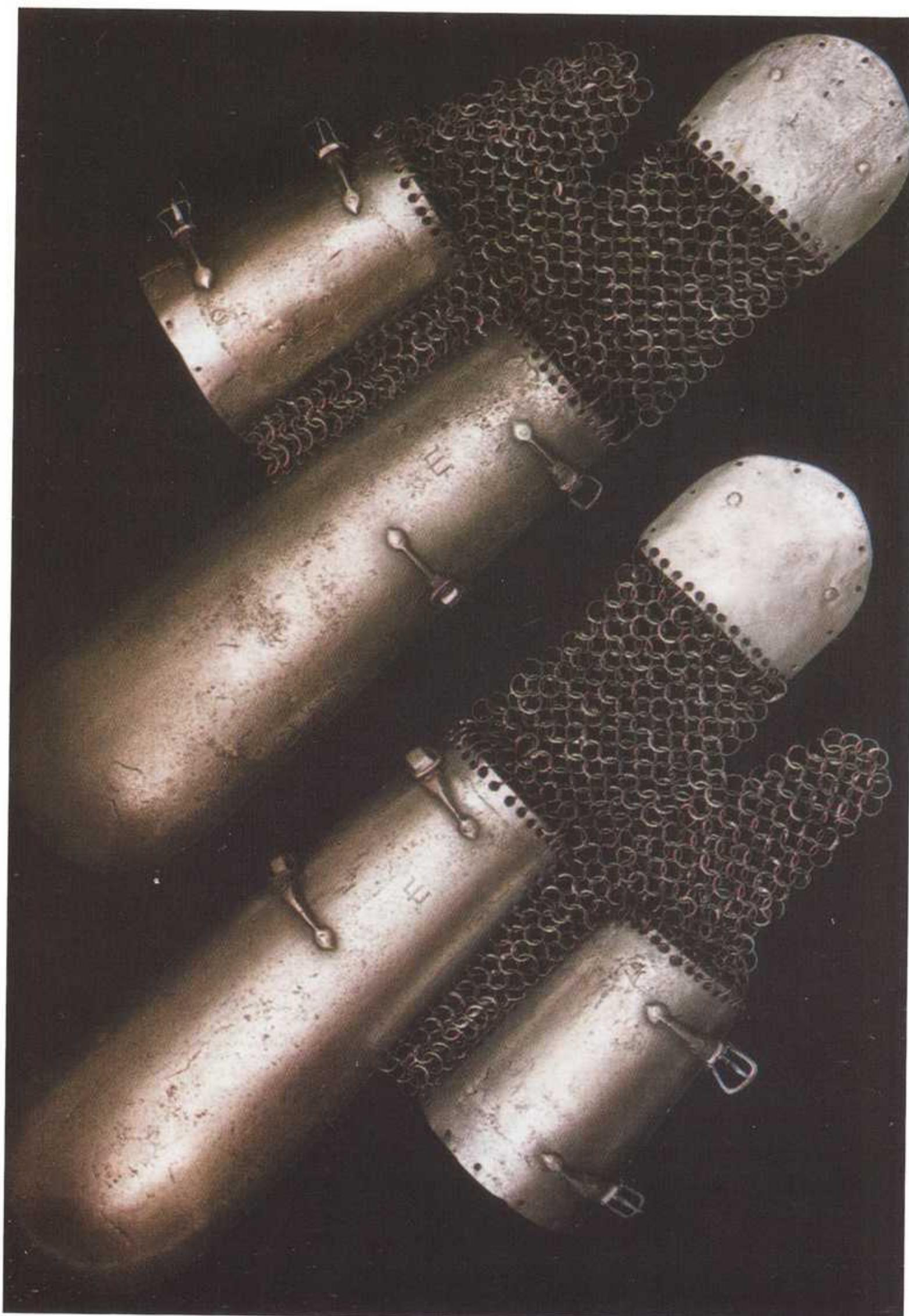

Рис. 13. Наруки из частной польской (?) коллекции. XVI в. (?)
Фото (по: Gutowski, 1997)

К статье А. Н. Каменского, Ю. А. Кулешова

Рис. 14. Рукавицы от наручей князя Федора Ивановича Мстиславского.
2 пол. XVI в. Прорисовка (по: Солнцев, 1853)

К статье А. Н. Каменского, Ю. А. Кулешова

Рис. 17. Наплечник. Новгород, Неревский раскоп. Рубеж XIII-XIV в. Фото

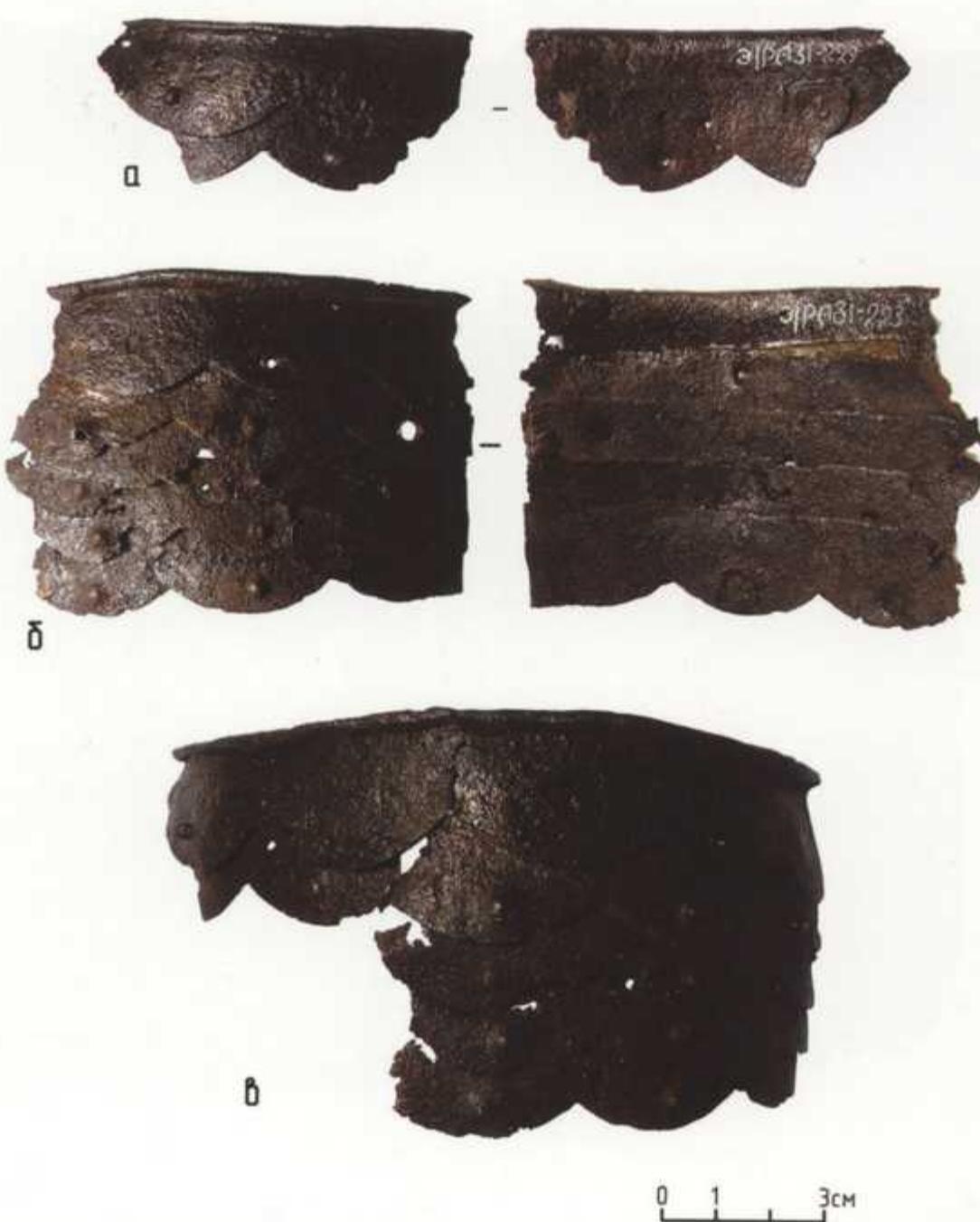

Рис. 20. Защита конечностей. Новгород, Неревский раскоп. 1224–1238 гг. Фото

К статье А. Н. Каменского, Ю. А. Кулешова

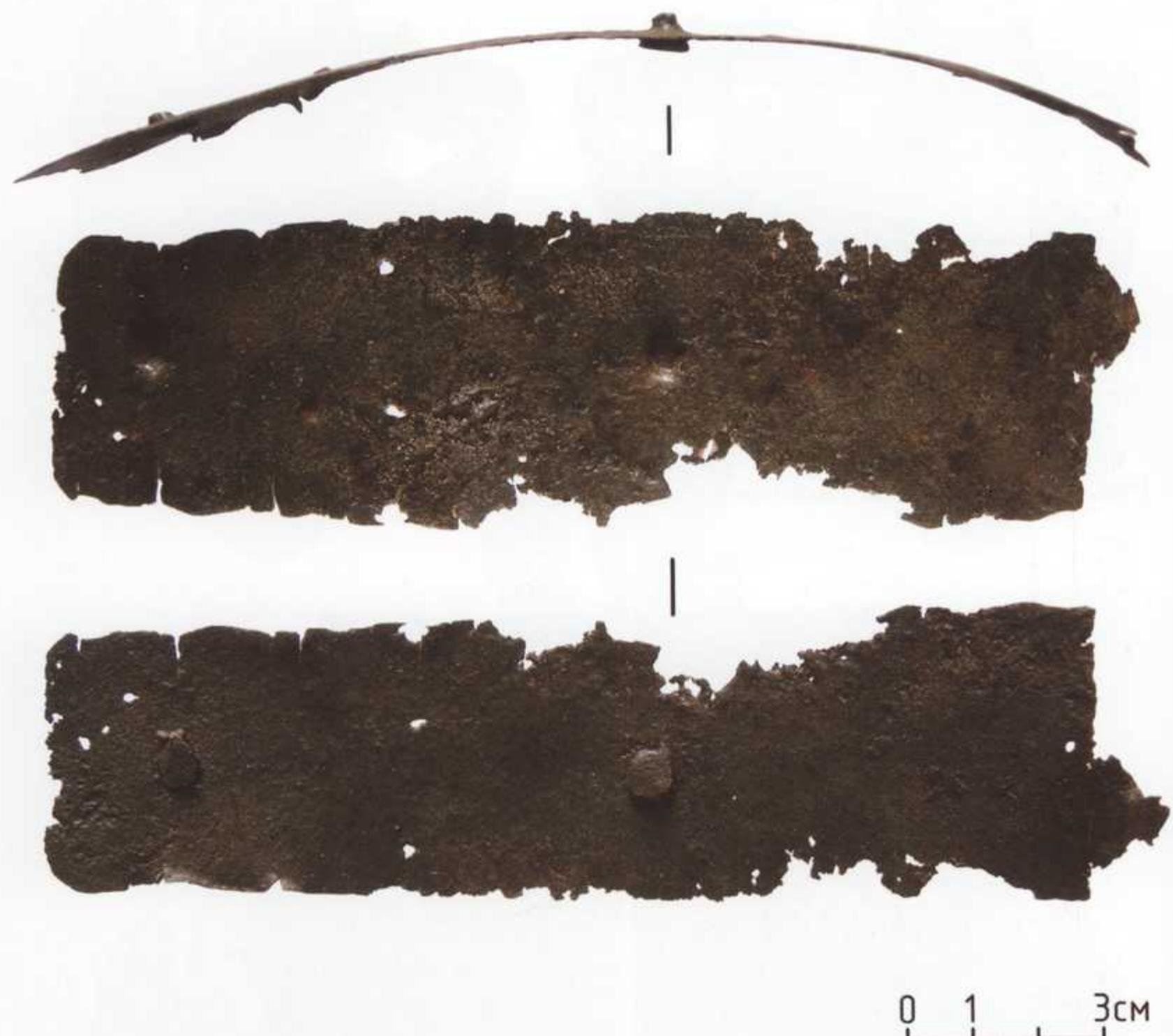

Рис. 23. Пластина. Новгород, Неревский раскоп. Сер. – 2 пол. XIV в. Фото

К статье А. Н. Каменского, Ю. А. Кулешова

**Рис. 24. Набедренник (?). Саратовский областной краеведческий музей.
2 пол. XIV – 1 пол. XV в. Фото**